

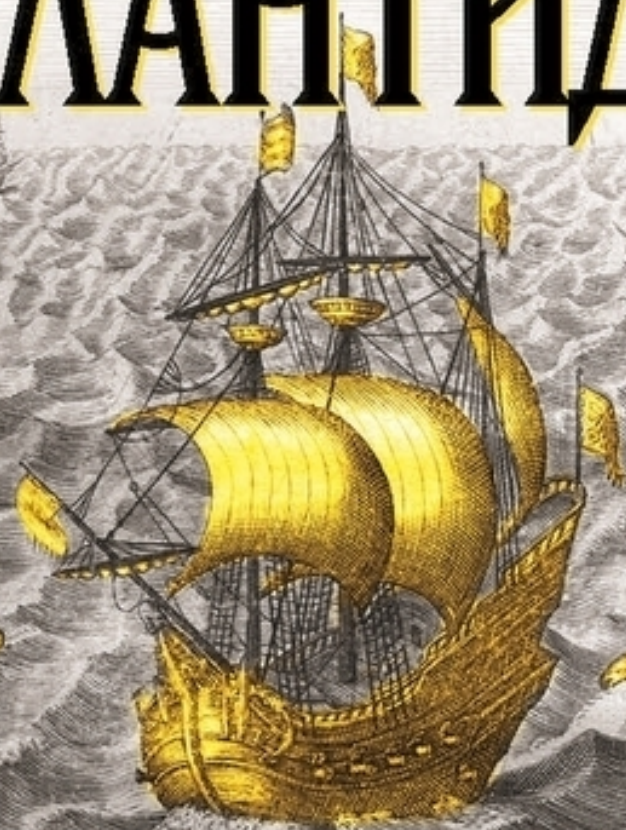
ИДЕАЛЬНОЕ

ОБЩЕСТВО

ФРЭНСИС БЭКОН

САВИНЬЕН СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК • ДЕНИ ВЕРАС

НОВАЯ АТЛАНТИДА

Идеальное общество

Сирано Де Бержерак
Новая Атлантида (сборник)

«Алисторус»

2014

Сирано Де Бержерак

Новая Атлантида (сборник) / Сирано Де Бержерак —
«Алисторус», 2014 — (Идеальное общество)

Утопия – это жанр художественной литературы, описывающий модель идеального общества. Впервые само слова «утопия» употребил английский мыслитель XV века Томас Мор. Книга, которую Вы держите в руках, содержит три величайших в истории литературы утопии. «Новая Атлантида» – утопическое произведение ученого и философа, основоположника эмпиризма Ф. Бэкона «Государства и Империи Луны» – легендарная утопия родоначальника научной фантастики, философа и ученого Савиньена Сирано де Бержерака. «История севарамбов» – первая открыто антирелигиозная утопия французского мыслителя Дени Вераса. Текст книги был настолько правдоподобен, что редактор газеты «Journal des Sçavans» в рецензии 1678 года так и не смог понять, истинное это описание или успешная мистификация. Три увлекательных путешествия в идеальный мир, три ответа на вопрос о том, как создать идеальное общество! В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Новая Атлантида (Фрэнсис Бэкон)	6
Примечания	26
Биографическая справка	28
Иной свет, или Государства и империи Луны (Савиньен Сирано Де Бержерак)	29
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Фрэнсис Бэкон

Новая Атлантида

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

Новая Атлантида (*Фрэнсис Бэкон*)

Мы отплыли из Перу (где пробыли целый год) в Южные моря¹, в направлении Китая и Японии, взяв с собою припасов на двенадцать месяцев. В течение пяти с лишним месяцев дули попутные, хотя и слабые, ветры с востока; но затем ветер переменился и много дней подряд дул с запада, так что мы почти не продвигались и порой подумывали о возвращении. Вслед затем, однако, поднялся сильный ветер с юга и юго-запада, отнесший нас (несмотря на все наши усилия) к северу. К этому времени запасы наши истощились, хотя мы и расходовали их бережно. И вот, очутившись среди величайшей в мире водной пустыни, почли мы себя погибшими и стали готовиться к смерти. Однако мы все еще возносили сердца наши и мольбы ко всевышнему, творящему чудеса на водах, моля, чтобы, как при сотворении мира, он собрал воду воедино и явил сушу, так и теперь явил бы нам сушу и не дал погибнуть.

И вот ввечеру следующего дня показалось с севера как бы густое облако, вселившее в нас некоторую надежду на землю; ибо мы знали, что эта часть Южного моря совершенно не исследована, и тут могли оказаться острова и материки, дотоле неизвестные. Поэтому направили мы наш корабль туда, где всю ночь виднелось это подобие земли, а на рассвете ясно увидели, что это и была земля – плоская на вид и весьма лесистая, отчего казалась темнее.

Спустя полтора часа вошли мы в удобную гавань, служившую портом красивому городу, не слишком большому, но отлично построенному и с моря выглядевшему весьма живописно. Считая каждую минуту промедлением, подошли мы к берегу и уже готовились высадиться. Но тут мы увидели, что несколько человек с жезлами в руках запрещают нам это – не криками или угрозами, но предостерегающими знаками. Будучи немало огорчены, мы стали совещаться, как поступить.

Тем временем направилась к нам небольшая лодка, вмещавшая человек восемь; один из них держал жезл из желтого тростника, окрашенный на концах в синий цвет; он взошел к нам на корабль, не обнаруживая ни малейшего недоверия. Увидя, что один из нас выступил несколько вперед, он вынул небольшой свиток пергамента (более желтого, чем наш, и блестящего, но весьма мягкого и гибкого) и вручил его стоявшему впереди. Там начертаны были – на древнееврейском, древнегреческом, на хорошей латыни и на испанском – следующие строки: «Пусть никто из вас не сходит с корабля. И будьте готовы покинуть эти берега не позднее как через шестнадцать дней, если только срок этот не будет вам продлен. А пока, если нуждаетесь в пресной воде, или съестных припасах, или в лечебной помощи вашим больным, или же корабль ваш имеет повреждения, напишите, что вам надобно, и долг милосердия будет нами исполнен».

Свиток скреплен был печатью, изображавшей крыла серафимов, но не простертые, а опущенные книзу; а подле них крест. Вручив нам свиток, чиновник удалился, оставив слугу, которому должны мы были передать наш ответ. Посовещавшись между собою, мы все же пребывали в большом смущении. Запрещение высадиться и приказ вскорости отплыть весьма нас огорчали. Вместе с тем открытие, что народ здешний сведущ в наших языках и полон человеколюбия, немало нас ободрило. Но всего более порадовал нас знак креста на свитке, как верный предвестник доброго. Ответ наш был составлен на испанском языке: «Что до корабля, то он в исправности, ибо в пути мы испытали безветрие и противный ветер, но не бури. Что до боль-

---

¹ Т. е. Тихий океан. Из последующего текста очевидно, что остров Бенсалем помещается в Тихом, а не в Атлантическом океане, как по ошибке напечатано в моей вступительной статье к 1 тому наст. изд. В Атлантике находилась Атлантида Платона, хотя так могло называться в его времена все неизведанное водное пространство, лежащее к западу от Гибралтара. Т. Мор, описывая свой утопический остров, видит в нем небольшую часть большого материка Нового Света (т. е. незадолго перед тем открытой европейцами Америки). Бэкон же помещает Бенсалем в «совершенно не исследованную» часть Тихого (Южного) океана. Когда Земля будет изучена, «утопия» переключится в космос.

ных, то их у нас много – и очень тяжелых; так что запрещение высадиться угрожает им смертью». Прочие наши нужды мы отметили особо, добавив, что «имеем с собой кое-какие товары, которые, если угодно будет вступить с нами в сделку, могли бы покрыть наши расходы».

Слуге мы предложили некоторое вознаграждение в виде пистолей, а для чиновника – кусок алого бархата. Слуга, однако, не взял их, едва на них взглянул и отплыл в другой лодке, которая была за ним послана.

Спустя примерно три часа, после того как отправлен был наш ответ, явилось к нам некое, по-видимому, важное лицо. На нем было облачение с широкими рукавами из некой ткани, напоминавшей камлот, превосходной лазурной окраски и более глянцевиной, чем наша; нижнее платье его было зеленым; таков же был и его головной убор в виде чалмы, искусно сделанный, но размером поменьше, чем носят турки, из-под которого спускались локонами его волосы. Вид у него был весьма почтенный. Доставившая его лодка была украшена позолотой; в ней находилось еще четыре человека. За этой лодкой следовала другая, в которой помещался человек около двадцати.

Приблизившись к нашему кораблю на расстояние полета стрелы, они знаками показали нам, чтобы мы выслали кого-либо навстречу, что мы и сделали, пославши шлюпку, в которую сел второй по старшинству из наших начальников, а с ним еще четверо. Когда мы были в шести ярдах от лодки, они велели остановиться и не подходить ближе, что также было нами исполнено. Тут человек, описанный мною выше, поднялся в лодке и громко спросил по-испански: «Христиане ли вы?». Мы ответили утвердительно и безбоязненно, помня о кресте, изображенном в их печати. При этом ответе человек воздел правую руку к небесам, а затем медленно поднес ее к устам (этим знаком принято у них благодарить бога) и сказал: «Если все вы поклянетесь муками спасителя, что вы не пираты, а также что в течение последних сорока дней не пролили крови, будь то законным или незаконным образом, вам разрешено будет сойти на берег». Мы ответили, что готовы принести такую клятву; после чего один из сопровождавших его (как видно, писец) сделал соответствующую запись. Затем другой из его свиты, находившийся в одной с ним лодке, выслушав сперва своего господина, громко сказал: «Господин мой оповещает вас, что если не вступает к вам на корабль, то причина этому не гордость или высокомерие; но поскольку из ответа вашего оказалось, что на борту много больных, то блюститель народного здоровья распорядился, чтобы держались от вас на расстоянии». Мы отвечали с поклоном, что мы – покорные его слуги; что все, уже сделанное для нас, считаем за большую честь и проявление редкого человеколюбия, но уверены, что недуг наших людей не заразителен. С этим они отплыли; а спустя немного к нам на корабль взошел писец; в руке он держал местный плод, напоминающий апельсин, но цветом скорее алый, чем оранжевый, издававший чудесный аромат. Казалось, он пользовался им для предохранения себя от заразы. Он взял с нас клятву «именем Иисуса и мук его», а затем сообщил, что на следующее утро в шесть часов за нами пришлют, чтобы поместить в Доме чужестранцев (так он называл его), где мы получим все необходимое как для больных, так и для здоровых. С этим он оставил нас; а когда мы предложили ему несколько пистолей, сказал с улыбкою, что не может дважды получать плату за труды; это (насколько я понимаю) означало, что он получает достаточное жалованье от государства. Как я узнал позже, «дважды оплаченными» называют они чиновников, берущих дары.

Рано поутру явился к нам тот самый человек с жезлом, который посетил нас первым, и сказал, что прислан доставить нас в Дом чужестранцев, а прибыл рано затем, чтобы мы имели в нашем распоряжении весь день. «Ибо, если послушаетесь моего совета, – сказал он, – со мной сперва отправятся несколько человек, чтобы осмотреть помещение и решить, как его удобнее приготовить; а там можно послать и за вашими больными и остальными вашими людьми, которых вы желаете спустить на сушу». Мы поблагодарили его, сказав, что бог вознаградит его за заботу о бесприютных чужестранцах. Итак, шестеро из нас сошли с ним на берег; причем он, идя впереди, обернулся и сказал, чтобы мы считали его нашим проводником и слугой. Он про-

вел нас тремя прекрасными улицами; на всем нашем пути по обеим сторонам улицы собрался народ; но все выстроились правильными рядами и вели себя так вежливо, словно собрались не дивиться на нас, но приветствовать; некоторые при нашем приближении несколько выставляли вперед руку, что является у них знаком приветствия.

Дом чужестранцев представляет собой отличное просторное здание, выстроенное из кирпича, имеющего, по сравнению с нашим, синеватый отлив, с красивыми окнами, из которых одни застеклены, другие затянуты промасленной льняной тканью.

Введя нас в красивую приемную залу наверху лестницы, он спросил, сколько у нас больных. Мы ответили, что всего нас (здоровых и больных) пятьдесят один человек, из коих больных семнадцать. Он попросил нас запастись терпением и подождать его возвращения; а около часу спустя вернулся и повел нас осматривать отведенные нам комнаты, коих было девятнадцать. Как видно, они решили в четырех лучших комнатах поместить четверых наших начальников, а в остальных пятнадцати разместить нас по двое. Комнаты были красивые, светлые и богато убранные. Затем он провел нас в длинную галерею, или спальный покой, где по одной стороне (по другой шла стена со множеством окон) расположен был ряд одиночных спален, очень опрятных, отделенных одна от другой перегородками из кедрового дерева. Эта галерея со спальнями, которых было всего сорок (значительно больше, чем нам требовалось), служила у них лазаретом. Он тут же сказал нам, что по мере выздоровления наши больные будут переводиться в обычные помещения, для чего было приготовлено еще десять комнат, кроме тех, о которых я упоминал выше. После этого он вернулся с нами в приемную залу и, подняв слегка свой жезл, как делают они при объявлении приказов начальства, сказал: «Вам надлежит знать, что обычаи нашей страны запрещают вам выходить отсюда в течение трех дней, не считая сегодняшнего и завтрашнего, которые даются вам для переселения корабля. Однако пусть это не смущает вас и не почитается за лишение свободы, но скорее за срок, надобный для того, чтобы осмотреться и отдохнуть. Вы ни в чем не будете терпеть нужды; к вам приставлено шесть человек, которые будут выполнять все ваши поручения, требующие отлучек из этого дома». Мы поблагодарили его со всем усердием и почтительностью, прибавив: «Поистине, господь явил себя в этой стране». Мы также предложили ему двадцать пистолей, но он улыбнулся и сказал только: «Как? Вторичная плата?». И с этим оставил нас. Вскоре был нам подан обед; причем и хлеб, и мясо были отличные – лучше, чем за любой общественной трапезой, какую я мог припомнить в наших краях. Были также напитки трех сортов, все полезные и приятные на вкус: виноградное вино, напиток из зерна, наподобие нашего эля, но прозрачнее, и род сидра, приготовленного из местных фруктов, – удивительно вкусный и освежающий. Кроме того, принесли нам для наших больных большой запас упомянутых мной красных апельсинов, которые, по их словам, были верным средством от болезни, поражающей мореплавателей. Дали нам также коробку мелких пилюль серого и беловатого цвета, посоветовав давать их нашим больным, по одной пилюле на ночь для ускорения их выздоровления.

На следующий день, когда мы уже несколько отдохнули от хлопот, причиненных перевозкою с корабля людей и товаров, решил я созвать всех своих спутников; когда же они собрались, сказал: «Друзья мои, соберемся с мыслями и подумаем о нашей судьбе. Мы выброшены на сушу, подобно Моне, извергнутому из чрева китова, когда уже считали себя погребенными в морской пучине, но и сейчас, обретя землю, находимся между жизнью и смертью; ибо оказались за пределами и Старого, и Нового света; и одному богу ведомо, увидим ли мы когда-либо берега Европы. Чудом попали мы сюда и только чудом сумеем отсюда выбраться. Пусть же, памятуя недавнее избавление, а также нынешние и грядущие опасности, каждый из нас обратит взоры к богу и очистится от скверны. К тому же мы находимся здесь среди христианского племени, исполненного благочестия и человеколюбия. Так не посраим же себя перед ними, обнаружив свою порочность и недостойность. Но это еще не все. Ибо они особым приказом (хотя и в учтивой форме) на три дня заключили нас в этих стенах; как знать, не для того ли,

чтобы получить некоторое понятие о наших нравах? И, если окажутся они плохи, изгнать нас немедленно; а если хороши – продлить наше здесь пребывание? Ибо люди, приставленные к нам для услуг, могут вместе с тем наблюдать за нами. Поэтому заклинаю вас богом и заботой о душах и телах ваших так вести себя, чтобы быть в мире с господом и снискать расположение здешнего народа». Спутники мои в один голос поблагодарили меня за полезное увещание и обещали вести себя учтиво и скромно, не подавая никаких поводов к неудовольствию. И так провели мы три дня с легким сердцем и беззаботно, ожидая, как будет поступлено с нами по истечении этого срока.

А тем временем ежечасно радовало нас улучшение состояния наших больных, которые мнили себя погруженными в некую целительную купель: так быстро и легко они выздоравливали.

По истечении трехдневного срока явился к нам поутру новый человек, до тех пор нами не виденный, одетый, как и прежний, в синее; только чалма на нем была белая, украшенная маленьким красным крестом, да еще пелерина из тонкого полотна. Входя, он слегка склонился и выставил руки вперед. Мы, со своей стороны, приветствовали его со смирением и покорностью, ибо от него ждали своего приговора. Он изъявил желание говорить с несколькими из нас; после чего шестеро из нас остались с ним, остальные же удалились. Пришедший сказал: «Я по должности управитель Дома чужестранцев, а по призванию христианский священник, и пришел предложить вам свои услуги как чужестранцам, но прежде всего как христианам. Могу сообщить весть, которая, я уверен, будет вам приятна. Правительство разрешило вам оставаться на берегу в течение шести недель; и пусть не тревожит вас, если окажется, что вам понадобится больше; ибо закон в этом пункте не слишком строг; и я не сомневаюсь, что сам смогу испросить для вас дальнейшее продление срока. Скажу также, что Дом чужестранцев в настоящее время богат и всем обеспечен. Вот уже тридцать семь лет накапливаются его доходы; ибо за это время ни один чужестранец не появлялся в этих краях. А потому ни о чем не тревожьтесь; государство берет на себя расходы по содержанию вашему на все время вашего пребывания, так что по этой причине оно не будет сокращено ни на один день. Что касается ваших товаров, то с вами поступлено будет по справедливости и произведен расчет: либо товарами, либо золотом и серебром; ибо для нас это безразлично. А если имеете какие-либо просьбы – говорите без утайки, и увидите, что мы не огорчим вас отказом. Об одном только вас предупреждаю: никто из вас не должен отлучаться из города дальше чем на один каран (это составляет у них полторы мили) без особого на то разрешения». Мы отвечали, обменявшись друг с другом взглядами, в коих выразилось восхищение столь приветливым и отеческим к нам отношением, что не знаем, что и сказать, ибо не находим слов для выражения нашей благодарности, а его щедрые и великодушные предложения не оставляют места для просьб. Мы словно видим перед собою прообраз нашего небесного спасения, ибо, находясь еще столь недавно в пасти смерти, очутились вдруг там, где все дарует нам утешение. Что касается наложенного на нас запрета, то мы его не нарушим, хотя и невозможно, чтобы мы не горели желанием повидать и другие части этой счастливой и благословенной страны. Мы добавили, что скорее языки наши присохнут к гортани, чем мы позабудем упоминать в своих молитвах как его почтенную особу, так и весь народ его. И смиренно просили его считать нас своими преданными слугами по праву благодетеля, повергая к стопам его и себя самих, и все наше имение. Он ответил, что, будучи священником, ожидает лишь пастырской награды, а именно нашей братской любви и блага нашим душам и телам; после чего удалился со слезами умиления, нас же оставил радостными и смущенными. «Поистине, – говорили мы друг другу, – мы очутились в стране ангелов, которые являются нам ежедневно, предупреждая наши желания щедротами, каких мы не только не могли ожидать, но даже и представить себе».

На следующий день, часов около десяти, управитель явился к нам снова и после приветствий сказал дружески, что пришел навестить нас, велел подать себе стул и сел; сели и мы,

человек десять (остальные были низкого звания, а некоторые отсутствовали). Когда мы уселись, он начал следующим образом: «Мы, жители острова Бенсалема (ибо так он именуется на их языке), благодаря нашему отдаленному расположению, тайне, к которой обязываем мы наших путешественников, и редкому допущению к себе чужестранцев, хорошо осведомлены о большей части обитаемых земель, сами же остаемся неизвестны. А коль скоро спрашивать подобает тому, кто менее осведомлен, то мы с вами лучше употребим время, если задавать вопросы будете вы, а не я». Мы отвечали, что смиренно благодарим его за это дозволение и уже можем на основании собственного опыта судить, что нет на земле ничего более достойного ознакомления, нежели эта счастливая страна. «Но всего более, – прибавили мы, – после столь чудесной встречи на краю земли и уповая, несмотря на то что мы живем в разных концах света, на грядущую встречу в царствии небесном (ибо видим в них единоверцев-христиан), хотели бы знать (поскольку здешняя земля столь удалена и отделена обширными и неисследованными морями от тех мест, где сходил на землю спаситель), кто был ее апостолом и как была она просвещена верою». При этом вопросе лицо его выразило большое удовлетворение, и он ответил: «Вы расположили меня к себе, задав этот вопрос в первую очередь; ибо он означает, что вы ищите прежде всего царствия небесного; отвечу вам на него охотно и кратко».

«Спустя около двадцати лет по воскресении спасителя жители Ренфузы (города на восточном побережье нашего острова) увидели однажды ночью (а ночь была облачной и спокойной) большой столп света, появившийся на море в расстоянии около мили; он имел форму колонны (или цилиндра) и подымался к небу на большую высоту; вершину его увенчивал крест, сиявший более ярко, нежели самый столп. Столь необычайное зрелище привлекло горожан на берег моря; а там некоторые сели в лодки, чтобы еще приблизиться к чудесному явлению. Однако, не доплыв ярдов шестидесяти до столпа, лодки оказались словно скованными и не в силах плыть дальше, хотя в других направлениях могли двигаться свободно; так что все лодки расположились полукругом, созерцая небесное знамение. Случилось, что в одной из них находился мудрец из числа членов Соломонова дома; а это, добрые друзья мои, зеница ока нашей страны. И вот, после внимательного и благоговейного созерцания столпа и креста, человек этот склонился ниц; а затем, стоя на коленях и воздев руки к небу, произнес следующую молитву:

«Боже, владыка неба и земли, милостиво даровавший нашему братству познание твоих творений и тайн их, а также способность различать (насколько это доступно человеку) божественные чудеса, явления природы, произведения искусства и всякого рода обманы и призраки. Свидетельствую перед собравшимся здесь народом, что в представшем нам зрелище вижу перст твой и подлинное чудо; а зная из книг наших, что ты не творишь чудес иначе как с благой и божественной целью (ибо законы природы есть твои законы, и ты не преступаешь их без важных к тому причин), мы смиренно просим тебя благословить твое знамение и открыть нам его значение, что ты уже отчасти обещаешь, ниспосылая его».

Едва окончил он свою молитву, как почувствовал, что лодка его обрела свободу движения, тогда как остальные оставались по-прежнему скованными; приняв это за дозволение приблизиться, он велел медленно и в молчании грести по направлению к столпу. Но не успел он приблизиться, как сияющий столп и крест распались и рассыпались как бы на множество звезд, вскоре также погасших; а на воде остался лишь небольшой ковчежец, или ларец, кедрового дерева, нимало не подмоченный водою, хотя и плыл по ней. Из переднего конца его, ближайшего к лодке, росла зеленая пальмовая ветвь. Когда же мудрец благоговейно взял ларец в лодку, он сам собою раскрылся, и в нем оказались книга и послание – и то, и другое на тонком пергаменте, обернутое в льняную ткань. Книга содержала все канонические книги ветхого и нового завета, соответствующие вашим (ибо нам известно, какие приняты вашими церквями); Апокалипсис и некоторые другие книги нового завета, в ту пору еще не написанные, также тем не менее оказались тут. Что касается послания, то оно состояло из следующих строк:

«Мне, Варфоломею, рабу божью и апостолу Иисуса Христа, было видение, в коем ангел повелел мне вручить морским волнам этот ковчежец. А потому объявляю народу, к которому угодно будет господу привести ковчежец, что тем самым ниспосылается ему спасение, мир и благоволение от бога-отца и господа нашего Иисуса».

Кроме того, в обоих этих писаниях – книге и послании – было нам явлено чудо, подобное чуду апостолов, когда был ниспослан им дар языков. Ибо не только местные жители, но также иудеи, персы и индийцы, находившиеся в ту пору в нашей стране, смогли прочесть книгу и послание так, словно они были написаны на их родном языке. Вот как случилось, что ковчег, спасший остальную часть старого мира от потопа, спас нашу землю от неверия через апостольскую проповедь св. Варфоломея». Тут он остановился, ибо пришел посланец и вызвал его от нас.

На следующий день, тотчас после обеда, управитель явился к нам снова и попросил извинения, говоря, что накануне был вызван от нас несколько поспешно, но теперь постарается возместить это и проведет с нами больше времени, если только общество его и беседа нам приятны. Мы отвечали, что оно столь нам приятно, что, слушая его, мы забываем и перенесенные бедствия, и грядущие опасения, и один час, проведенный с ним, ценим наравне с годами прежней нашей жизни. Он слегка поклонился, а когда мы уселись, сказал: «Итак, спрашивать надлежит вам».

Тут один из нас после некоторого молчания сказал, что есть один предмет, о котором мы столь же желаем, сколько боимся спросить, дабы не злоупотребить его добротой. Однако же, ободренные столь редкостным человеколюбием с его стороны и не считая себя совершенно чужими, но его верными слугами, осмеливаемся заговорить об этом, смиренно прося его простить дерзкий вопрос, если бы и пришлось отклонить его. Нам запомнилось, – продолжали мы, – прежнее его замечание о том, что счастливый остров, где мы сейчас находимся, известен лишь немногим, хотя самим его жителям известна большая часть света; это видно из того, что здесь знают европейские языки, а также многие наши дела; тогда как мы, европейцы (несмотря на все плаванья и открытия последнего времени), никогда не видали этого острова и не слыхали о нем. Это кажется нам удивительным; ибо все народы знают друг друга либо посредством путешествий в чужие края, либо через приезжающих чужестранцев; и хотя путешественник больше узнает, видя все воочию, нежели остающиеся у себя дома могут узнать из рассказов, однако ж оба эти способа достаточны для некоторого взаимного познания. Что же касается этого острова, то мы никогда не слыхали, чтобы какой-либо их корабль приставал к берегам Европы, Ост-Индии или Вест-Индии и чтобы хоть чей-нибудь корабль побывал у них. Но самое диковинное еще не в этом. Ибо этому может способствовать (как сказала и его светлость) уединенное расположение в неисследованной части обширного океана. Но как могут островитяне знать языки, книги и историю тех, кто отделен от них таким расстоянием, – вот что кажется нам непостижимым и представляется свойством и особенностью божественных существ, которые сами неведомы и незримы, тогда как другие для них прозрачны как стекло. Выслушав это, управитель добродушно улыбнулся и сказал, что мы недаром просили прощения за подобный вопрос, ибо, как видно, считаем его землей страной чародеев, посылающих во все концы света незримых духов, которые доставляют им сведения о чужих краях. На это все мы ответили с подобающей почтительностью, но, однако, показав, что поняли его шутку: «Да, мы действительно склонны думать, что остров имеет в себе нечто сверхъестественное, но скорей ангельское, нежели колдовское. Однако, если говорить правду, не это заставило нас опасаться задать наш вопрос, но запомнившиеся нам слова вашей светлости о том, что законы страны предписывают хранить ее тайну от чужестранцев». На это он сказал: «Вы не ослышались; а потому, отвечая вам, я умолчу о некоторых подробностях, которые оглашать не имею права; но и без того сумею удовлетворить вашу любознательность».

«Вам надлежит знать (хотя вы и можете счесть это невероятным), что три тысячи и более лет назад мореплавание (особенно в отдаленные страны) было развито более, нежели сейчас. Не думайте, что мне неизвестно, какие успехи оно сделало за последние сто двадцать лет. Я знаю это отлично и тем не менее повторяю: более, нежели сейчас. Потому ли, что пример ковчега, спасшего остатки рода человеческого от всемирного потопа, поощрял верить волнам, или по другой причине, но так оно было. Большой флот был у финикийцев, особенно у жителей Тира, а также у их колонии, Карфагена, лежавшего еще дальше к западу. На востоке много кораблей было у Египта и Палестины. Китай и великая Атлантида (именуемая у вас Америкой), сейчас имеющие лишь джонки и пироги, в ту пору также в изобилии имели большие суда. Наш остров (как видно из достоверных летописей того времени) имел полторы тысячи прочных кораблей большого водоизмещения. Об этом у вас сохранилось мало сведений или же вовсе никаких; нам же все это хорошо известно.

В то время страна наша была известна и посещалась кораблями всех названных мною стран. И нередко случалось, что с ними прибывали также люди других стран, не имевших своего флота, как то: персы, халдеи, арабы; так что у нас побывали почти все могучие и славные народы, от которых здесь и по сей день сохранилось несколько родов и небольших племен. Что касается собственных наших кораблей, то они, плавая повсюду, достигали и вашего пролива, называемого Геркулесовыми столбами², и других частей Атлантики и Средиземного моря, и Пекина (иначе называемого Камбалу³), и Кинсай⁴ на Восточных морях, и даже самых рубежей Восточной Татарии.

В это же время и еще столетие спустя процветала и великая Атлантида. И хотя повесть о ней, написанная одним из ваших великих людей⁵ – который назвал ее поселением потомков Нептуна и описал ее великолепный храм, дворец, город и холм, ее многочисленные судоходные реки, опоясывавшие город точно кольцами, и величавые ступени, подобные *scala coeli*⁶, по которым туда восходили, – хотя все это поэтический вымысел, одно, во всяком случае, верно: эта Атлантида, так же как Перу (в то время называвшееся Койя) и Мексика (носившая название Тирамбель), были мощными и гордыми державами, которые славились войском, флотом и богатствами, столь мощными, что жители последних одновременно (или на протяжении десяти лет) совершили два больших плавания: жители Тирамбеля – через Атлантику и Средиземное море, а жители Койи – через Южные моря к нашему острову. О первом из этих плаваний – к берегам Европы – тот же великий писатель ваш⁷ слышал от одного египетского жреца, чьи слова он и приводит; ибо оно, несомненно, имело место. Но правда ли, что именно древним афинянам принадлежала честь отразить врага, об этом мне неизвестно; известно лишь, что из этого похода не вернулся ни единый корабль и ни единый человек. Не лучше окончился бы и другой поход – людей из Койи, – если бы им не посчастливилось встретить более милосердного противника. Ибо король нашего острова (по имени Альтабин), мудрый муж и славный полководец, правильно оценив и свои силы, и вражеские, сумел отрезать сухопутные их войска от кораблей, окружил их и на море, и на суше превосходящими силами и вынудил сдаться

---

² Так в древности называли Гибралтар.

³ От «Хан-Балык» («город хана»), как он назывался в период монгольского владычества в Китае; позднее город был переименован в Пекин.

⁴ Так у Марко Поло именуется Ханчжоу.

⁵ Имеется в виду Платон. См. «Тимей», 24е-25d и «Критий» 108е-121b. Бэкон отождествляет платоновскую Атлантиду («великую Атлантиду») с Америкой, по-видимому локализуя ее в области Бразилии. Впервые связал Атлантиду Платона с Америкой Франциск Лопес де Гомара («Historia de las Indias», 1553), усмотревший сходство ее географического описания у Платона с топографией западной части Атлантики. – 501.

⁶ «Небесная лестница» (лат.).

⁷ Платон, «Тимей», 24е.

без боя; а когда оказались они в полной его власти, удовольствовался их клятвой никогда не подымать против него оружия и отпустил всех с миром.

Но небесный гнев вскоре покарал эти властолюбивые замыслы. Менее чем сто лет спустя великая Атлантида была разрушена до основания – не землетрясением, как утверждает ваш источник (ибо вся та часть света мало им подвержена), но частичным потопом или наводнением; ибо реки в тех краях доньше гораздо многоводней, а горы, с которых стекают воды, выше, чем в любой части Старого света. Наводнение это не было, однако ж, глубоким, во многих местах покрыв землю не более чем на сорок футов; так что хотя люди и животные были уничтожены, некоторым диким лесным жителям удалось спастись. Уцелели и птицы, взлетевшие на вершины деревьев и холмов. Что касается людских жилищ, они тоже нередко возвышались над уровнем воды. Однако вследствие того, что вода, хотя и неглубокая, стояла очень долго, жители долин, даже там, где они не утонули, погибли от недостатка пищи и других необходимых предметов. Не удивляйтесь поэтому редкому населению Америки, а также грубости его нравов; ибо нынешних обитателей Америки надлежит считать молодым народом, не менее чем на тысячелетие моложе остальных народов мира. Ведь именно такой срок отделяет всемирный потоп от постигшего их наводнения. Ибо жалкие остатки человеческого рода, уцелевшие в их горах, лишь очень медленно заселили страну вновь, и, будучи невежественны и дики (в отличие от Ноя и его сыновей, которые были первейшим семейством на всей земле), не смогли оставить потомству письменности, искусств и цивилизации; а привыкнув в своих горных местностях (отличающихся крайне холодным климатом) одеваться в шкуры тигров, медведей и косматых коз, которые там водятся, они, когда спустились в долины, где царит нестерпимая жара, не знали способа одеваться легче и начали ходить нагишом, каковой обычай сохранился у них и по сей день. Зато любят они украшать себя перьями птиц; и это опять-таки осталось им от их предков, обитателей гор, которых побудило к этому изобилие огромных птичьих стай, слетавшихся на возвышенные места, пока долины были затоплены. Вот из-за этого-то бедствия и прекратились наши сношения с Америкой, с которой, вследствие более близкого соседства, они были наиболее тесными.

Что касается других частей света, то в последующие века (вследствие ли войн или просто превратностей времени) мореплавание всюду пришло в крайний упадок; а дальние плавания прекратились вовсе (чему способствовало также распространение галер и других подобных судов, непригодных в открытом море). Итак, тот способ сношений, который состоял в посещении нас чужестранцами, уже издавна, как видите, стал невозможен, не считая редких случаев вроде того, что привел сюда вас. Что же касается второго способа, а именно наших плаваний в чужие земли, то для этого должен я привести другую причину, ибо не могу (не греша против истины) сказать, что флот наш по части численности и прочности судов, искусства моряков и лоцманов и всего, относящегося до мореплавания, стал сколько-нибудь хуже, чем прежде. Отчего сделались мы домоседами, о том надлежит рассказать особо; а тем самым отвечу я и на главный ваш вопрос.

Около тысячи девятисот лет назад правил у нас король, которого память мы чтим более всех других – не как-либо суеверно, но потому, что в нем, хотя и смертном человеке, видим орудие божественного промысла. Имя его было Соламона, и он считается законодателем нашей страны. Государь этот обладал сердцем неистощимой доброты и цель своей жизни полагал единственно в том, чтобы сделать страну и народ счастливыми. Видя, сколь богата наша земля и способна прокормиться без помощи чужеземцев, ибо имеет в окружности пять тысяч шестисот миль и на редкость плодородную почву почти повсеместно; и сколько найдется дела нашим кораблям как на рыбных промыслах, так и на перевозках из порта в порт или на небольшие острова, расположенные неподалеку от нас и принадлежащие нашему королевству; и сколь страна наша счастлива и благополучна; и сколько есть способов ухудшить это положение, тогда как едва ли найдется хоть один способ улучшить его – решил он, что для осуществления его

благородной цели (насколько это доступно человеческому предвидению) требуется лишь увековечить столь счастливое состояние. Поэтому в число изданных им основных законов нашего королевства включил он запреты, касающиеся посещения нас чужеземцами, что в те времена (хотя это было уже после бедствия, постигшего Америку) случалось часто; ибо опасался новшеств и влияния чуждых нравов. Подобный закон о недопущении чужеземцев без особого разрешения с древних времен и доныне существует в Китае. Однако там это нечто жалкое. Наш же законодатель издал закон совсем иного рода. Ибо он прежде всего сохранил принцип человеколюбия, предусмотрев оказание помощи чужестранцам, потерпевшим бедствие; в чем вы сами могли убедиться». При этих словах все мы, как и подобало, встали и поклонились. Он же продолжал:

«Государь этот, стремясь сочетать благоразумие и гуманность и полагая бесчеловечным удерживать чужестранцев против воли и неблагоразумным – допускать их возвращение на родину, где они разгласили бы тайну нашего местонахождения, постановил следующее: всем чужеземцам, получившим дозволение высадиться, в любое время разрешать возвращение, но всем, кто пожелал бы остаться, предлагать отличные условия и содержание на счет государства. В этом оказался он столь дальновиден, что за все века, прошедшие с тех пор, мы не помним, чтобы хоть один корабль от нас возвратился; и только тринадцать человек были в разное время доставлены на родину на наших судах. Что эти немногие могли рассказать по возвращении – я не знаю. Но все, что они рассказывали, должно было, как вы сами понимаете, показаться сном. Что касается наших путешествий в чужие края, то наш законодатель счел нужным запретить их совершенно. Не то мы видим в Китае, ибо китайцы разъезжают всюду, куда хотят или могут. Наш же запрет допускает лишь одно, и притом замечательное исключение, позволяющее извлечь всю возможную пользу из сношений с чужестранцами, но избежать вреда. Вот это-то я и открою вам сейчас. И здесь может показаться, что я несколько уклоняюсь от предмета; но скоро вы увидите, что все придется кстати. Знайте же, дорогие друзья, что в числе превосходных законов, введенных этим государем, особо выделяется один. Это было основание некоего Ордена, или Общества, называемого нами Дом Соломона – благороднейшего (по нашему мнению) учреждения на земле, служащего стране нашей путеводным светочем. Оно посвящено изучению творений господних. Некоторые считают, что в его названии имя основателя подверглось искажению и что правильней было бы называть его Дом Соломоны. Но именно так оно значится в летописях. И я полагаю, что оно названо в честь царя иудеев, прославленного у вас и нам также небезызвестного. Ибо у нас имеются некоторые его сочинения, считающиеся у вас утерянными, а именно его Естественная история, трактующая обо всех растениях, от кедра ливанского до иссопа, растущего из стены, и обо всем, чему присуща жизнь и движение. Это заставляет меня думать, что государь наш, видя, что деятельность его во многом совпадает с деяниями иудейского царя (жившего за много лет до него), почтил его память этим названием. В этом мнении меня еще более утверждают древние летописи, иногда называющие Дом Соломона Коллегией шести дней творения; откуда очевидно, что достойный государь наш знал от иудеев о сотворении мира и всего в нем сущего в шесть дней, и поэтому, учреждая Общество для познания истинной природы всех вещей (дабы прославить бога, создавшего их, а людей научить плодотворному пользованию ими), дал ему также и это второе название.

Но обратимся к главному предмету нашей беседы. Запретив своим подданным плавание во все края, не подвластные его короне, государь, однако ж, постановил, чтобы каждые двенадцать лет из королевства нашего отплывало в разных направлениях два корабля; чтобы на каждом из них отправлялось по три члена Соломонова дома для ознакомления с делами тех стран, куда они направляются, в особенности с науками, искусствами, производствами и изобретениями всего мира, и для доставки нам всевозможных книг, инструментов и образцов; и чтобы привезшие их корабли возвращались, сами же они оставались в чужой земле до следующей такой поездки. Корабли эти грузятся провиантом и запасом золота, который остается

у членов Соломонова дома для закупок и оплаты различных услуг по их усмотрению. Сообщать вам, каким образом наши матросы остаются неузнанными; и как те, кто высаживается на берег, выдают себя за представителей других наций; и куда именно ходили наши корабли; и какие порты определены им для дальнейших поездок – я не могу, да и вы навряд ли этого хотите. Но, как видите, мы ведем торговлю не ради золота, серебра или драгоценностей, не ради шелков, пряностей или иных материальных ценностей; но единственно ради того, что создано господом раньше всех других вещей, т. е. света – чтобы обрести свет, в каком бы конце земли он ни забрезжил».

Сказав это, он умолк, и мы также некоторое время хранили молчание, ибо были изумлены правдивой повестью о вещах столь необычайных. Он же, заметив, что мы желаем нечто сказать, но еще к этому не готовы, с большой учтивостью вывел нас из затруднения, осведомившись о нашем плавании и приключениях; а затем добавил, что хорошо было бы нам решить, какой срок пребывания просить у правительства, и предложил не ограничивать себя чрезмерно, ибо он испросит любой нужный нам срок. При этом все мы встали и пытались поцеловать край его пелерины, но он этого не допустил и ушел. А мы, едва наши люди услышали, что государство предлагает обеспечение чужестранцам, которые пожелали бы остаться, лишь с превеликим трудом смогли заставить их привести в порядок корабль и удержали от немедленного обращения к управителю за этим обеспечением. Однако кое-как нам это удалось, ибо надо было прежде прийти к согласному решению насчет дальнейшей нашей судьбы.

Теперь считали мы себя свободными, убедились, что нам не грозит окончательная гибель, и отлично проводили время, осматривая город и его окрестности в пределах дозволенного нам расстояния, а также заводя знакомство со многими лицами, отнюдь не простого звания, которые обходились с нами с такой доброю, непринужденностью и желанием обогреть чужестранцев на своей груди, что заставили нас позабыть все, что было нам дорого на родине. Непрерывно встречались мы со множеством вещей, достойных наблюдения и описания; ибо если есть в мире зеркало, достойное привлекать людские взоры, таким зеркалом является эта страна.

Однажды двое из нас были приглашены на так называемый Праздник семьи – обычай весьма почтенный, благочестивый и согласный с природою и выказывающий эту нацию с самой лучшей стороны. Вот как он празднуется. Праздновать его может всякий, кто породит не менее тридцати живых детей и внуков, как только младший из них достигнет трехлетнего возраста; расходы же по устройству праздника берет на себя государство. За два дня до празднества отец семейства, называемый здесь тирсаном, приглашает к себе троих друзей по своему выбору; в приготовлениях ему помогает также правитель города или местности, где происходит празднество; и собираются все члены семьи обоего пола. Эти два дня тирсан проводит в совещаниях о благополучии семьи. Если оказываются между ее членами раздоры или тяжбы, их разбирают и улаживают. Если кто-либо из семьи впал в нищету или находится в тяжелом положении – изыскиваются средства помочь ему и обеспечить средства к существованию. Если кто предался пороку или повинен в дурных поступках, ему выносятся порицание и осуждение. Здесь же даются указания относительно браков, выбора подходящего занятия и другие подобные советы. При этом присутствует правитель, дабы своей властью подкреплять распоряжения тирсана, если кто-либо вздумает их ослушаться; однако надобность в этом бывает редко: настолько велико у них уважение к законам природы. Здесь же тирсан выбирает из числа своих сыновей одного, которому предстоит жить в его доме и носить звание Сына виноградной лозы. А откуда такое название, будет видно из дальнейшего.

В день празднества отец, или тирсан, после богослужения выходит в отведенный для празднования большой покой, в конце которого устроено возвышение. Посередине возвышения ставится для него кресло, а перед ним – стол. Возвышение устилается ковром, а над креслом устраивается круглый или овальный балдахин из плюща; плющ у них несколько светлей нашего и напоминает листья серебристой осины; только больше блестит, ибо круглый год

бывает зелен. Балдахин искусно убирается серебром и разноцветными шелками, которые переплетаются с плющом – это всегда бывает работой дочерей данной семьи, – а сверху затягивается тонкой сеткой из шелка и серебра. Но основой его служит живой плющ, который друзья семьи разбирают потом по листочку на память. Тирсан выходит со всем своим потомством, причем мужчины идут впереди его, а женщины позади; а если жива мать, породившая их всех, то справа от кресла, на хорах, отгораживают для нее особое помещение с дверью и застекленным окном с резной рамою, украшенным лазурью и золотом; там она сидит, невидимая присутствующим. Тирсан садится в кресло, а все семейство становится вдоль стены, позади его и по сторонам возвышения, по старшинству, но без различия пола; комната при этом всегда полна народа, но без всякой суматохи и шума; спустя минуту с противоположного конца появляется таратан (а по-нашему вестник) и с ним два мальчика, из которых один несет свиток тамошнего желтого и блестящего пергамента, а другой – золотую виноградную гроздь на длинном стебле. Вестник и мальчики одеты в атласные мантии цвета морской воды; а у вестника мантия сверх того украшена золотыми полосами и шлейфом. Отвесив три поклона, вестник подходит к возвышению и тут только берет в руки свиток. Свиток этот содержит королевскую грамоту с перечислением пенсий, льгот, почестей и привилегий, даруемых отцу семейства, которого король в обращении всегда именует «своим любезным другом и заимодавцем»; и это звание ни в каких других случаях не употребляется. Ибо здесь считают, что король не может ни перед кем быть в долгу, кроме человека, приумножающего число его подданных. Грамота скреплена золотой чеканной печатью с изображением особы короля; и хотя такая грамота непременно полагается в каждом таком случае, кое-что может в ней меняться соответственно численности и достоинству семейства. Эту грамоту вестник читает вслух, а тирсан выслушивает стоя, поддерживаемый двумя из своих сыновей. После этого вестник подымается на возвышение и вручает ему грамоту, а все присутствующие приветствуют это восклицаниями на их языке, означающими: «счастлив народ Бенсалема!». Затем вестник берет из рук второго мальчика виноградную гроздь, которая сделана целиком из золота – как стебель, так и ягоды. Ягоды красиво отделаны эмалью; если в семье преобладают мужчины, то эмаль бывает пурпурной, а вверху грозди укреплено маленькое солнце; если дочери – то желто-зеленой, а гроздь увенчана изображением полумесяца. Число ягод в грозди соответствует числу потомства. Эту гроздь вестник также вручает тирсану, который тут же передает ее тому из сыновей, кого избрал он жить при себе, и тот всегда потом в торжественных случаях носит ее впереди отца, почему и называется Сыном виноградной лозы. По окончании этой церемонии тирсан удаляется, а спустя некоторое время выходит к обеду, в продолжение которого он, как и ранее, сидит один под балдахином, и никто из потомков его не садится с ним, каково бы ни было его звание и положение, если только это не член Соломонова дома. За столом прислуживают отцу только дети мужского пола, которые каждый раз преклоняют перед ним колени; а женщины стоят вдоль стены. Пониже возвышения накрыты столы для приглашенных, где все подается с большой торжественностью; а в конце обеда (пиршества у них никогда не длятся более полутора часов) исполняется гимн, который бывает различным, смотря по искусности сочинителя (поэты здесь превосходные), но темой своей неизменно имеет восхваление Адама, Ноя и Авраама, из коих первые два населили мир, а третий был отцом верующих; а в заключение всегда поется хвала рождеству спасителя, рождением своим искупившего грехи всех рожденных.

По окончании трапезы тирсан вновь удаляется и после некоторого времени, проводимого в уединении и молитве, появляется в третий раз, чтобы благословить свое потомство, которое, как и вначале, стоит вокруг него. Он вызывает их одного за другим поименно в любом удобном ему порядке, но обычно по старшинству. Названный преклоняет колени перед креслом (стол к тому времени убирается), а глава семьи возлагает ему руку на голову, произнося следующее благословение: «Сын Бенсалема (или дочь Бенсалема), так говорит отец твой, даровавший тебе дыхание жизни: да будет на тебе благословение вечного отца, князя мира и святого духа, а дни

странствия твоего да будут долгими и счастливыми». Так говорит он каждому из них. А после того, если окажутся среди его сыновей люди выдающихся заслуг и достоинств (но не более двух), он призывает их вновь и, обняв за плечи, произносит: «Дети, благо, что вы родились; восхвалите господа и не сходите с доброго пути». С этими словами вручает он каждому из них драгоценное украшение в виде пшеничного колоса, которое они всегда потом носят на своей чалме или шляпе. Затем начинаются музыка, танцы и иные принятые у них развлечения, и так проходит весь день. Таков порядок этого празднества.

Не прошло шести или семи дней, как я завязал короткое знакомство с одним тамошним купцом по имени Иоабин. Он был евреем и был обрезан; ибо здесь сохранилось несколько еврейских родов, которым предоставляют исповедовать свою веру, с тем большим основанием, что евреи эти весьма отличаются от евреев, населяющих другие страны. Тогда как те ненавидят имя христово и таят про себя злобу на народы, среди которых живут, тамошние евреи, напротив, весьма почитают спасителя и исполнены любви к народу Бенсалема. Купец, о котором я говорю, признавал, что Христос рожден девой и не был обыкновенным человеком; он говорил, что господь сделал его повелителем серафимов, охраняющих его престол. А еще они называют Христа млечным путем, Илией Мессии и многими другими возвышенными именами, которые, хотя и недостойны его божественного величия, но их речи сильно отличаются от речей других евреев.

Что касается страны Бенсалем, то человек этот не устал превозносить ее и по традиции тамошних евреев утверждал, что местные жители происходят из колена авраамова, от другого брата его, называемого ими Нахор; и что нынешние законы Бенсалема происходят от тайных законов, начертанных Моисеем в Каббале; и что когда приидет Мессия и воссядет на свой престол в Иерусалиме, король Бенсалема будет сидеть у ног его, тогда как все другие государи станут поодаль. Но если отбросить все эти иудейские бредни, приятель мой был человеком мудрым, ученым, проницательным и весьма сведущим в обычаях и законах страны.

Во время наших бесед я однажды сказал ему, что был весьма поражен рассказом некоторых членов нашего экипажа о Празднике семьи; ибо, как мне казалось, никогда еще не слышал о празднестве, на котором была бы так почтена природа; а поскольку семья ведет начало от брачного союза, то я пожелал узнать их обычаи и законы, касающиеся брака, и строго ли блюдут они брачные обеты, и держатся ли единобрачия; ибо где так заботятся об увеличении населения, как у них, там обычно дозволено многоженство. На это он сказал: «Ты недаром хвалишь превосходное установление, называемое Праздником семьи. Мы по опыту знаем, что семьи, справившие этот благословенный праздник, впоследствии необычайно процветают. Но слушай, и я поведаю тебе все, что знаю. Тогда поймешь ты, что нет на земле народа столь целомудренного, как бенсалемцы, и столь чуждого всякой скверны. Это поистине девственная мира. Помнится, читал я в одной из ваших европейских книг, как один святой отшельник пожелал увидеть дух блудодеяния. И тотчас предстал перед ним маленький уродливый эфиоп. Пожелай он увидеть дух бенсалемского целомудрия, и тот явился бы в образе светлого херувима. Ибо нет среди смертных ничего более прекрасного, чем целомудрие этого народа. Знай же, что нет у них ни публичных домов, ни блудниц, и ничего на это похожего. Они изумлены (а также и возмущены) тем, что вы, европейцы, терпите у себя подобные вещи. Они говорят, что вы лишили брак его смысла; ибо брак ведь призван быть средством против недозволенных вожделений; а вожделение естественное должно быть к нему побуждением. Но где люди имеют под рукой средство, более приятное для их извращенной похоти, там брак почти упраздняется. Вот почему можно видеть у вас бесчисленное множество мужчин, которые не женятся, но предпочитают брачным узам развратную холостую жизнь. А из тех, кто женится, многие женятся поздно, когда пора их расцвета уже миновала. Да и что для них брак, как не сделка, в которой ищут выгодных связей, приданого или высокого положения; или разве еще продолжения рода (и то без большой охоты). Сколь не похоже это на брачный союз, как он был уста-

новлен изначала! Невозможно также, чтобы расточив столь постыдным образом лучшие свои силы, они так дорожили детьми (этой частью нас самих), как это бывает у людей целомудренных. Да и так ли уж они остепеняются после брака, как можно было бы ожидать, если бы все это зло допускалось лишь по необходимости? Отнюдь нет; ибо оно и после того остается прямым поруганием брака. Посещение вертепов разврата и блудниц столь же безнаказанно для женатых, как для холостяков. Извращенная склонность к переменам и пристрастие к ласкам блудниц (превращающих грех в искусство) отбивают всякий вкус к браку и делают из него некую повинность. Мы слышали, что вы защищаете все это в качестве меньшего зла во избежание прелюбодеяний, обещания девушек, противоестественных пороков и тому подобного. Но здесь эти предосторожности считают нелепыми и называют щедростью Лота, который, желая избавить своих гостей от бесчестия, предложил своих дочерей. К тому же, по нашему мнению, от всего этого мало проку, ибо названные пороки и вожделения сохраняются в изобилии. Ведь недозволенная похоть подобна печи, где стоит закрыть выход пламени, как оно затухает; а стоит дать ему волю, начинает бушевать. Что касается любви между мужчинами, этого у них нет и в помине. А между тем нигде не найти такой верной и нерушимой дружбы. Словом, как я уже говорил, нигде нет такого целомудрия, как в этом народе. Они любят говорить, что лишившийся целомудрия лишается и уважения к себе. А уважение к себе считается у них наиболее могущественным, после религии, средством обуздания пороков».

Окончив свою речь, почтенный еврей умолк. И тут я, предпочитая слушать его, а не говорить, но считая, однако ж, неучтивым хранить полное молчание, промолвил только, что – как сарептская вдова пророку Илии – готов сказать, что он напомнил нам о прегрешениях наших, и признаю большую праведность Бенсалема в сравнении с Европою. На это он ответил наклоном головы и продолжал следующим образом:

«Имеется у них и множество мудрых и превосходных законов, касающихся брака. Многоженство не допускается. Есть также закон, не позволяющий вступать в брак или обручаться ранее, чем через месяц после первой встречи брачующихся. Брак без согласия родителей хотя и признается, но карается особым законом о наследстве. Ибо дети от таких браков не могут наследовать более трети родительского имущества. Читал я в одной вашей книге, описывающей некое воображаемое государство⁸, что там вступающим в брак разрешается предварительно видеть друг друга нагими. Этому здешние жители не одобряют; ибо считают оскорбительным отвергнуть кого-либо после столь близкого общения. Но из-за наличия у мужчин и женщин многих тайных телесных изъянов прибегают они к более учтивому способу, устраивая вблизи каждого города по два водоема, называемых водоемами Адама и Евы, где одному из друзей жениха, а также одному из друзей невесты дозволено видеть их, порознь, нагими во время купанья».

Пока мы таким образом беседовали, явился некий человек, как видно, посланец, в богатом плаще с капюшоном, и что-то сказал еврею. А тот, обернувшись ко мне, произнес: «Прости меня, ибо меня вызывают весьма поспешно».

На следующее утро он вновь пришел ко мне с радостным видом и сказал: «Правитель города получил известие, что один из отцов Соломонова дома прибудет через неделю. Вот уж двенадцать лет как мы никого из них не видали. Возвращение его будет обставлено особой торжественностью, но причина возвращения хранится в тайне. Я добуду тебе и твоим спутникам хорошие места, откуда можно будет видеть его въезд». Я поблагодарил его и выразил радость по поводу этого известия.

В назначенный день состоялся въезд. Прибывший был человек среднего роста и возраста, благообразного вида, с лицом, на котором написано было человеколюбие. На нем было облачение из превосходного черного сукна с широкими рукавами и капюшоном. Нижнее пла-

---

⁸ Т. Мор, «Утопия», кн. II (О рабах).

тые из отличного белого полотна доходило ему до лодыжек и было подпоясано кушаком из той же материи; из нее же был и воротник. На нем были искусно сделанные перчатки, шитые драгоценными камнями, и бархатные башмаки персикового цвета. Шея его была открыта. Головной убор его имел форму шлема или испанской монтеры; из-под него красиво выбивались каштановые кудри. Борода была округленно подстрижена и несколько светлее волос. Его везли в богатой повозке без колес, наподобие носилок, с двумя лошадьми с каждой стороны, в роскошно расшитой сбруе синего бархата; в сопровождении двух скороходов, одетых в те же цвета. Повозка была сделана из кедрового дерева, украшенного позолотой и хрусталем; в передок ее были вделаны плиты из сапфиров в золотой оправе, а позади – такие же плиты из изумрудов перуанского цвета. Наверху ее украшало золотое солнце, а впереди – маленький золотой херувим с распростертыми крыльями. Изнутри повозка была обита синею с золотом парчой. Впереди шло пятьдесят юношей в широких кафтанах белого атласа, доходивших до икр, в белых шелковых чулках, в башмаках из синего бархата и таких же бархатных шляпах, убранных вокруг тульи красивыми разноцветными перьями. За ними, также впереди повозки, шли два человека с обнаженными головами, в длинных полотняных одеждах, подвязанных поясами, и в синих бархатных башмаках, из коих один нес епископский посох, а другой – пастушеский, но не металлические, а деревянные: первый из бальзамового дерева, второй – из кедра. Конной свиты не было ни впереди, ни позади повозки; как видно, во избежание всякого шума и замешательства. За повозкой вослед шли главные должностные лица города и старшины городских цехов. Прибывший восседал один на роскошных подушках, крытых синим плюшем. Под ноги ему были постланы пестрые шелковые ковры, наподобие персидских, только много лучше. Правую обнаженную руку он простирал вперед, как бы благословляя народ, но в полном молчании. На улицах всюду соблюдался образцовый порядок; ни одна армия так не держит строй, как стояли здесь люди; и даже зрители в окнах не толпились, а как бы занимали отведенные им места. Когда процессия удалилась, еврей сказал мне: «Сейчас я не смогу проводить с тобой столько времени, сколько хотел бы, из-за некоторых обязанностей, возложенных на меня городом в связи с приемом этого славного мужа». Спустя три дня еврей явился вновь и сказал: «Счастливы вы, ибо отец Соломонова дома, узнав о вашем пребывании здесь, приказал передать, что примет вас всех и побеседует с одним из вас по вашему выбору. Для этого назначил он послезавтрашний день, а желая дать вам свое благословение, выбрал утренние часы».

В назначенный день и час мы явились, причем для беседы с глазу на глаз спутники мои избрали меня. Мы застали отца Соломонова дома в богатом покое, убранном коврами и драпировками, но без тронного возвышения. Он сидел в низком кресле, богато украшенном и осеянном балдахинном из синего расшитого бархата. С ним не было никого, кроме двух пажей в красивых белых одеждах, стоявших по обе стороны кресла. Нижнее платье его было таким же, как и при въезде; но поверх него была теперь надета мантия с пелериной из того же черного сукна. Войдя, мы низко ему поклонились, как были научены, а когда приблизились, он встал, протягивая правую руку без перчатки, как бы для благословения. Тут все мы склонились и поцеловали край его мантии. После этого все, кроме меня, удалились. Он выслал пажей из комнаты, велел мне сесть рядом с собой и обратился ко мне по-испански со следующими словами: «Благослови тебя господь, сын мой; я подарю тебе величайшую из драгоценностей, какими владею, ибо открою тебе, во имя любви к богу и людям, истинный устав Соломонова дома. А для этого, сын мой, я буду держаться следующего порядка. Прежде всего изложу цель, ради которой он был основан; во-вторых, опишу сооружения и приборы, какими располагаем мы для наших работ; в-третьих, расскажу о разделении труда и обязанностей между членами Дома; и, наконец, – о наших обычаях и порядках.

Целью нашего общества является познание причин и скрытых сил всех вещей и расширение власти человека над природою, покуда все не станет для него возможным.

Для этого располагаем мы следующими сооружениями: есть у нас обширные и глубокие рудники различной глубины, наиболее глубокие достигают 600 морских сажен, а некоторые вырыты под высокими холмами и горами; так что если сложить вместе вышину холма и глубину рудника, то некоторые из них достигают в глубину трех миль. Ибо мы полагаем, что внутренность горы, считая до поверхности земли, и глубина рудника, считая также от земной поверхности, в сущности одно и то же; ибо они равно лишены солнечных лучей и доступа воздуха. Эти рудники называются у нас нижнею сферой и применяются для всякого рода сгущения, замораживания и сохранения тел. Мы пользуемся ими также для воссоздания природных рудников и для получения новых искусственных металлов из составов, которые закладываем туда на многие годы. Иногда (пусть не покажется это странным) мы пользуемся ими для лечения некоторых болезней и для продления жизни отшельников, которые соглашаются поселиться там, снабженные всем необходимым, и живут действительно очень долго; так что мы многому от них научились.

Применяем мы также захоронение в различных почвах всякого рода составов, как это делают китайцы со своим фарфором. Только у нас составы эти более разнообразны, а некоторые сорта их более тонки. Нам известны также различные способы изготовлять перегной и сложные удобрения, делающие почву более плодородной.

Есть у нас высокие башни; самые высокие из них достигают полумили, а некоторые выстроены на высоких горах; так что если прибавить еще и высоту горы, то в самой высокой из башен будет не менее трех миль. Эти места называем мы верхней сферой, а то, что находится посредине, – среднюю сферой. Эти башни служат нам, сообразно с их высотой и расположением, для прокаливания на солнце, для охлаждения или для сохранения тел, равно как и для наблюдений над явлениями природы, как то: над ветрами, дождем, снегом, градом, а также некоторыми огненными метеорами. В некоторых из этих башен обитают отшельники, которых мы по временам навещаем, чтобы поручить то или иное наблюдение.

Есть у нас обширные озера как соленые, так и пресные, служащие для разведения рыбы и водяной птицы, а также для погружения некоторых тел; ибо мы обнаружили, что тела сохраняются различно, смотря по тому, погребены ли они в земле, хранятся в подземелье или же погружены в воду. Есть у нас также водоемы, где мы получаем пресную воду из соленой или, наоборот, соленую из пресной. Есть скалы посреди моря и заливы, вдающиеся в сушу, предназначенные для некоторых работ, требующих морского воздуха и испарений. Есть также бурные потоки и водопады, служащие для получения многих видов движения, и всякого рода двигатели для увеличения силы ветра, также обращаемой нами в различного рода движение.

Немало у нас искусственных колодцев и источников, подражающих природным и содержащих примеси купороса, серы, железа, меди, свинца, селитры и других веществ. Есть также особые небольшие водоемы для получения настоев, где вода приобретает желаемые свойства быстрее, чем в сосудах. И среди них один, называемый райским источником, ибо мы придали ему могучие свойства, способствующие сохранению здоровья и продлению жизни.

Есть у нас обширные помещения, где мы искусственно вызываем и показываем различные явления природы, как то: снег, дождь, искусственный дождь из различных твердых тел, гром, молнию, а также зарождение из воздуха живых существ: лягушек, мух и некоторых других.

Есть у нас особые комнаты, называемые комнатами здоровья, где мы наделяем воздух теми свойствами, которые считаем целебными при различных болезнях и для сохранения здоровья. Есть у нас просторные купели, наполненные различными лекарственными составами для излечения болезней и предохранения человеческого тела от высыхания, и еще другие составы для укрепления мускулов, важнейших органов и самой жизненной субстанции.

Есть у нас обширные и разнообразные сады и огороды, в которых мы стремимся не столько к красоте, сколько к разнообразию почв, благоприятных для различных деревьев и

трав. В некоторых из садов, наиболее обширных, мы сажаем разные деревья и ягодные кусты, служащие для приготовления напитков; и это не считая виноградников. Там производим мы также опыты различных прививок как над дикими, так и над фруктовыми деревьями, дающие разнообразные результаты. Там заставляем мы деревья цвести раньше или позднее положенного времени, вырастать и плодоносить скорее, нежели это наблюдается в природных условиях. С помощью науки мы достигаем того, что они становятся много пышней, чем были от природы, а плоды их – крупнее и слаще, иного вкуса, аромата, цвета и формы, нежели природные. А многим из них придаем целебные свойства.

Нам известны способы выращивать различные растения без семян, одним только смешением почв, а также способы выводить новые виды растений, отличные от существующих, и превращать одно дерево или растение в другое.

Есть у нас всевозможные парки и заповедники для животных и птиц, которые нужны нам не ради одной лишь красоты или редкости, но также для вскрытий и опытов, дабы знать, что можно проделать над телом человека. При этом нами сделано множество необычайных открытий, как, например, сохранение жизнеспособности после того, как погибли и были удалены органы, которые вы считаете жизненно важными; оживление животных, после того как по всем признакам наступила смерть, и тому подобное. На них испытываем мы яды и иные средства, хирургические и лечебные. С помощью науки делаем мы некоторые виды животных крупней, чем положено их породе, или, напротив, превращаем в карликов, задерживая их рост; делаем их плодовитее, чем свойственно им от природы, или, напротив, бесплодными; а также всячески разнообразим их природный цвет, нрав и строение тела. Нам известны способы случать различные виды, отчего получилось много новых пород, и притом не бесплодных, как принято думать. Из гнили выводим мы различные породы змей, мух и рыб, а из них некоторые преобразуем затем в более высокие виды живых существ, каковы звери и птицы; они различаются по полу и производят потомство. И это получается у нас не случайно, ибо мы знаем заранее, из каких веществ и соединений какое создание зародится.

Есть у нас особые водоемы, где подобные же опыты производятся над рыбами. Есть у нас особые места для разведения червей и бабочек, имеющих какие-либо полезные свойства, вроде ваших пчел или шелковичных червей.

Не буду утруждать твоего слуха перечислением наших пивоварен, пекарен и кухонь, где готовятся различные напитки, хлеба и кушанья, имеющие особые свойства. Вино выделяем мы из винограда, а напитки из фруктовых соков, зерна и корней; а также из смесей и настоек меда, сахара, манны и сухих фруктов или из древесных соков и сердцевин тростника. Напитки эти выдерживаются – иные до сорока лет. Есть у нас также целебные напитки из трав, корней и пряностей, куда добавляют иной раз белого мяса; причем некоторые из них могут служить одновременно и питьем, и пищею; так что немало людей, особенно в преклонных летах, питаются ими, почти или вовсе не употребляя мяса и хлеба. Особенно стараемся мы изготавливать напитки из мельчайших частиц, которые проникали бы в тело, но при этом не были бы на вкус едкими и раздражающими, и уже получаем такие, что, будучи вылиты на тыльную сторону руки, вскоре просачиваются до ладони, вкус же имеют приятный. Есть у нас воды, которым мы умеем придавать питательные свойства и превращать в отличные напитки, так что многие предпочитают их всем прочим. Хлеб печем мы из различного зерна, корней и орехов, а иногда из сушеного мяса или рыбы, с большим разнообразием заквасок и приправ; так что некоторые сорта его служат для возбуждения аппетита, а другие настолько питательны, что многие ничего кроме них не употребляют и живут, однако же, очень долго. Также и мясо подвергается у нас такой обработке, измельчению и разжижению – без всякого, однако, ущерба для его свежести, – что даже слабый жар большого желудка превращает их в полноценный млечный сок с такой же легкостью, с какой обычное мясо переваривается здоровым желудком. Есть у нас сорта мяса и другой пищи, прием которой позволяет затем человеку вынести дли-

тельное голодание, и есть другие, от которых мышцы становятся заметно плотней и тверже и силы прибывают необычайно.

Есть у нас аптеки. И коль скоро имеется у нас такое разнообразие растений и животных, большее, нежели у вас, европейцев (ибо все ваши породы нам известны), то и лекарственных трав и других веществ должно быть соответственно больше. Некоторые из них мы выдерживаем и подвергаем длительному брожению. Что касается приготовляемых из них лекарств, то нам известны не только многие совершенные способы перегонки и выделения – чаще всего посредством равномерного нагревания и процеживания сквозь различные фильтры, иногда весьма плотные, – но также и точные формулы соединений, благодаря которым из множества составных частей получаем как бы природное вещество.

Есть у нас различные производства, неизвестные вам, и немало изделий, как то: бумага различных сортов; льняные, шелковые и другие ткани, нежные ткани из пуха с удивительными переливами, отличные краски и многое другое. И есть мастерские как для изделий, вошедших в общее употребление, так и для редкостных. Ибо из перечисленного мною многое распространилось уже по всей стране, но если что было изобретено нами, то остается у нас в качестве образца.

Есть у нас различного устройства печи, дающие и сохраняющие самую различную температуру: с быстрым нагревом; с сильным и постоянным жаром; со слабым и равномерным нагревом; раздуваемые мехами; с сухим или влажным жаром и тому подобное. Но важнее всего то, что мы воспроизводим жар солнца и других небесных светил, который подвергаем различным изменениям, проводя через циклы, усиливая или уменьшая и тем достигая удивительных результатов. Мы воспроизводим также теплоту навоза, чрева животных и их пасти; теплоту их крови и тела; теплоту сена и трав, когда их сгребли влажными; теплоту негашеной извести и другие. Есть у нас также приборы, порождающие теплоту одним лишь своим движением. Есть особые места для сильного прокаливания на солнце, а также подземные помещения, где поддерживается естественное или искусственное тепло. Этими различными видами тепла мы пользуемся, смотря по тому, какую производим работу.

Есть у нас дома света, где производятся опыты со всякого рода светом и излучением и со всевозможными цветами и где из тел бесцветных и прозрачных мы извлекаем различные цвета (не в виде радуги, как мы это видим в драгоценных камнях и призмах), но по отдельности. Мы умеем также усиливать свет, который передаем на большие расстояния и можем делать столь ярким, что при нем различимы мельчайшие точки и линии. Здесь же производим мы опыты с окрашиванием света, со всевозможными обманами зрения в отношении формы, величины, движения и цвета, со всякого рода теневыми изображениями.

Мы открыли также различные, еще не известные вам, способы получать свет из различных тел. Мы нашли способы видеть предметы на большом расстоянии, как, например, на небе и в отдаленных местах; близкие предметы мы умеем представить отдаленными, а отдаленные – близкими и можем искусственно создавать впечатление любого расстояния. Есть у нас зрительные приборы, значительно превосходящие ваши очки и подзорные трубы. Есть стекла и приборы, позволяющие отчетливо рассмотреть мельчайшие предметы, как, например, форму и окраску мошек, червей, зерен или изъязы в драгоценных камнях, которые иначе не удалось бы обнаружить, и найти в крови и моче вещества, также невидимые иным способом.

Мы искусственно получаем радугу, сияния и ореолы вокруг источников света. А также воспроизводим явления отражения, преломления и усиления видимых лучей.

Есть у нас всевозможные драгоценные камни, из коих многие отличаются дивной красотой и вам неизвестны; а также хрусталь и разного рода стекло, которое мы получаем не только из известных вам веществ, но также из металлов, приведенных в стеклообразное состояние. Есть немало неизвестных вам ископаемых и низших минералов, магниты огромной мощи и другие редкие камни как природные, так и искусственные.

Есть у нас дома звука для опытов со всевозможными звуками и получения их. Нам известны неведомые вам гармонии, создаваемые четвертями тонов и еще меньшими интервалами, и различные музыкальные инструменты, также вам неизвестные и зачастую звучащие более приятно, чем любой из ваших; есть у нас колокола и колокольчики с самым приятным звуком. Слабый звук мы умеем делать сильным и густым, а густой – ослабленным или пронзительным; и можем заставить дрожать и тремолировать звук, который зарождается цельным. Мы воспроизводим все звуки речи и голоса всех птиц и зверей. Есть у нас приборы, которые, будучи приложены к уху, весьма улучшают слух. Есть также различные диковинные искусственные эхо, которые повторяют звук многократно и как бы отбрасывают его или же повторяют его громче, чем он был издан, выше или ниже тоном; а то еще заменяющие один звук другим. Нам известны также способы передавать звуки по трубам различных форм и на разные расстояния.

Есть у нас дома ароматов, где производятся опыты также и над вкусовыми ощущениями. Мы умеем, как это ни странно, усиливать запахи, умеем искусственно их создавать и заставлять все вещества издавать иной запах, чем свойственно им от природы. Мы умеем также подражать вкусу различных веществ, так что эти подделки способны обмануть кого угодно. Тут же имеется у нас кондитерская, где изготавливаются всевозможные свежие и сухие сладости, а также различные сладкие вина, молочные напитки, бульоны и салаты, куда более разнообразные, чем у вас.

Есть у нас дома механики, где изготавливаются машины и приборы для всех видов движения. Там получаем мы более быстрое движение, чем, например, полет мушкетной пули или что-либо другое, известное вам; а также учимся получать движение с большей легкостью и с меньшей затратой энергии, усиливая его при помощи колес и других способов, и получать его более мощным, чем это умеете вы, даже с помощью самых больших ваших пушек и василисков. Мы производим артиллерийские орудия и всевозможные военные машины, новые сорта пороха, греческий огонь, горящий в воде и неугасимый; а также фейерверки всех видов как для развлечения, так и для других целей. Мы подражаем также полету птиц и знаем несколько принципов полета. Есть у нас суда и лодки для плавания под водой и такие, которые выдерживают бурю; есть плавательные пояса и другие приспособления, помогающие держаться на воде. Есть различные сложные механизмы, часовые и иные, а также приборы, основанные на вечном движении. Мы подражаем движениям живых существ, изготавливая для этого модели людей, животных, птиц, рыб и змей. Кроме того, нам известны и другие виды движения, удивительные по равномерности и точности.

Есть у нас математическая палата, где собраны всевозможные инструменты как геометрические, так и астрономические, изготовленные с большим совершенством.

Есть у нас особые дома, где исследуются обманы органов чувств. Здесь показываем мы всякого рода фокусы, обманы зрения и иллюзии и тут же разьясняем их обманчивость. Ибо вам должно быть очевидно, что, открыв столько естественных явлений, вызывающих изумление, мы могли бы также бесчисленными способами обманывать органы чувств, стоит лишь облечь эти явления тайной и представить в виде чудес. Но нам настолько ненавистны всякий обман и надувательство, что всем членам нашего Общества под угрозой штрафа и бесчестия запрещено показывать какое-либо природное явление приукрашенным или преувеличенным; а только в чистом виде, без всякой таинственности.

Таковы, сын мой, богатства Соломонова дома.

Что касается различных обязанностей и занятий членов нашего Дома, то они распределяются следующим образом: двенадцать из нас отправляются в чужие земли, выдавая себя за представителей других наций (ибо существование нашей страны мы храним в тайне), и привозят нам книги, материалы и описания опытов из всех стран. Их называем мы торговцами светом.

Трое из нас извлекают материал для опытов, содержащийся в книгах. Их называем мы похитителями.

Трое других собирают опыт всех механических наук, равно как и всех свободных искусств и тех практических знаний, которые не вошли в науку. Их мы называем охотниками за секретами.

Еще трое производят новые опыты по собственному усмотрению. Их называем мы пионерами, или изыскателями.

Еще трое заносят результаты опытов всех названных четырех категорий в таблицы и сводки для более удобного извлечения из них общих наблюдений и законов. Их называем мы компиляторами.

Еще трое занимаются изучением опытов своих товарищей ради изобретений, которые могут быть полезны в обиходе, а также всего пригодного для дальнейших работ или для учебного объяснения причин явлений и наиболее легкого усвоения состава и свойств различных тел. Их называем мы дарителями, или благодетелями.

А после того как указанные работы подвергнутся обсуждению на общих совещаниях членов нашего Дома, трое других составляют на их основе указания для новых опытов, более высокого порядка и глубже проникающих в природу, нежели предыдущие. Их называем мы светочами.

Еще трое осуществляют эти новые опыты и дают о них отчет. Их называем мы прививателями.

И, наконец, еще трое возводят все добытые опытом открытия в общие наблюдения, законы и принципы. Их называем мы истолкователями природы⁹.

Есть у нас также, как ты понимаешь, новопосвященные и ученики, дабы не прекращалась преемственность в работе, не считая многочисленных слуг и подручных обоего пола. И вот что еще мы делаем: на наших совещаниях мы решаем, какие из наших изобретений и открытий должны быть обнародованы, а какие нет. И все мы даем клятвенное обязательство хранить в тайне те, которые решено не обнародовать; хотя из этих последних мы некоторые сообщаем государству, а некоторые – нет.

Обратимся теперь к нашим обычаям и обрядам. Есть у нас две просторные и красивые галереи; в одной из них выставлены образцы всех наиболее ценных и замечательных изобретений; в другой – скульптурные изображения всех великих изобретателей. Среди них находится статуя вашего Колумба, открывшего Вест-Индию; а также первого кораблестроителя; монаха, изобретшего огнестрельное оружие и порох; изобретателя музыки; изобретателя письменности; изобретателя книгопечатания; изобретателя астрономических наблюдений; изобретателя обработки металлов; изобретателя стекла; изобретателя культуры шелка; первого винодела; первого хлебопашца и первого, кто начал добывать сахар. Все они известны нам более достоверно, нежели вам. Кроме того, у нас немало и своих отличных изобретателей. Но поскольку ты не видел этих изобретений, описывать их было бы чересчур долго; к тому же по описанию ты можешь составить о них ошибочное суждение. За каждое ценное изобретение мы воздвигаем автору статую и присуждаем щедрое и почетное вознаграждение. Статуи делаются иногда из меди, из мрамора и яшмы, из кедрового или другого ценного дерева, позолоченного и изукрашенного, из железа, из серебра, а иногда и из золота.

Есть у нас особые гимны и ежедневные литургии для восхваления господина и благодарения за чудесные его творения и особые молитвы о содействии нашим трудам и обращении их на цели благие и благочестивые.

---

⁹ Ср. эту программу разделения труда исследователей Соломонова дома с теми этапами и аспектами методического истолкования природы (сборание фактов естественной и опытной истории, постановка плодотворных и светочных опытов, составление таблиц открытия, извлечение общих законов и аксиом и др.), о которых Бэкон пишет в «Новом Органоне» (напр. афор. X–XIII, XX кн. II и др.).

И, наконец, есть у нас обычай посещать главные города нашего королевства, где мы оглашаем те новые полезные открытия, какие находим нужным. А также предсказываем – сопровождая это естественными объяснениями – повальные болезни, моровую язву, нашествия саранчи, недороды, грозы, землетрясения, наводнения, кометы, погоду и тому подобное и даем жителям советы относительно предупреждения стихийных бедствий и борьбы с ними».

Окончив свою речь, он встал, а я, как мне было указано, преклонил колени; после чего он возложил правую руку мне на голову и произнес: «Да благословит тебя Господь, сын мой; и да благословит он мое повествование. Дозволяю тебе огласить его на благо другим народам. Ибо мы находимся здесь в лоне Господнем и живем никому неведомые». С этим он оставил меня, пожаловав мне и моим спутникам около двух тысяч дукатов. Ибо члены Соломонова дома раздают щедрые дары всюду, куда прибывают.

НА ЭТОМ РУКОПИСЬ ОБРЫВАЕТСЯ

Примечания

«New Atlantis» («Новая Атлантида») написана Бэконом в 1623—24 годах. Повесть не была окончена, однако готовый ее фрагмент вскоре же переводится «для пользы других народов» на латинский язык. По своему сюжету она следует довольно распространенной в XVI—XVII веках схеме утопического произведения. Рассказ ведется от лица путешественника, побывавшего в неведомой стране и увидевшего там осуществление совершенных, с его точки зрения, общественных установлений. Так построены и «Утопия» Т. Мора, и «Город солнца» Т. Кампанеллы, вышедший, кстати сказать, в том же 1623 году. Произведение Бэкона, принадлежа к иной, отнюдь не социалистической традиции, не содержит сколь-либо глубокой критики современной ему социальной действительности, что характерно для «Утопии» Мора, и не противопоставляет ей иных социально-политических идеалов. В жанре утопии Бэкон начинает развивать свою излюбленную тему о величии и благе научно-технического прогресса, и кажется, что вся повесть нужна ему для того, чтобы возвысить ученых и изложить свой проект всегосударственной организации науки. Однако написана она довольно живо, читается с интересом и обладает несомненными чисто литературными достоинствами, чего нельзя сказать, например, о «Городе Солнца».

Первое английское издание «New Atlantis», осуществленное В. Паули в 1627 году, опубликовано в одном томе с «Sylva Sylvarum or a Natural History in ten centuries», которую издатели и систематизаторы бэконовского литературного наследия считают существенным фрагментом третьей части «Великого Восстановления Наук». Латинский вариант впервые появился в печати в 1638 году в составе подготовленного Паули тома сочинений Бэкона «Francisci Baconi... Operum Moralium et Civilium Tomus». Интересно, что в 1643 году в Утрехте на латинском языке выходят вместе в одной книге две утопии-одногодки: «Новая Атлантида» Фр. Бэкона и «Город Солнца» Т. Кампанеллы.

Несколько слов о ближайшей судьбе этого жанра в Англии. В период английской революции его использовали для изложения своих республиканских политических и конституционных идеалов Сэмюэль Гартлиб («Описание славного королевства Макарии», 1641) и Джеймс Гаррингтон («Океания», 1656). При этом Гартлиб прямо указывает, что образцами ему послужили сочинения Т. Мора и Фр. Бэкона. Из утопий, проникнутых нетерпимым религиозно-пуританским духом, отметим «Новую Солиму» Сэмюэля Готта (1648), произведение серое и бездарное, и содержащую нудные мистические рассуждения книгу Джона Садлера «Ольбия – недавно открытый Новый остров» (1660). У Бэкона нашлись и непосредственные «продолжатели». Таковы две роялистские утопии времен реставрации: анонимная «Новая Атлантида, начатая лордом Веруламом, виконтом Сент-Албанс и продолженная эсквайром Р. Х., в которой излагается программа монархического правления» (1660) и незаконченная работа Дж. Гленвилла (1676). Принадлежа к группе кэмбриджских платоников, Гленвилл пытался соединить их рационалистический мистицизм с бэконовским сциентизмом. В своем «Продолжении Новой Атлантиды» он описывает Бенсалем, потрясаемый революцией и религиозными распрями (Подробнее см. А. Л. Мортон, «Английская утопия», М., 1956).

На русском языке «New Atlantis» вышла отдельной небольшой книжкой: «Новая Атлантида, сочинение Франциска Бакона Аглинского Канцлера, перевод с французского», Москва, 1821. Анонимный автор этого довольно неплохого для того времени, хотя и не во всем точного перевода в своем послесловии «Заключение из мыслей переводчика», в частности, писал: «Может быть, некоторые из читателей помыслят, что автор Новой Атлантиды не окончил своего повествования; но он сказал все, что сказать хотел: представил обитающий в неизвестной земле народ, истинно христианский и по их вере, и по их правилам жизни; изобразил их нравы и их обыкновения, бросающая приметную тень на испорченную нравственность наро-

дов, почитающих себя образованными; дал понятие о знаменитом обществе Испытателей природы, касаясь слегка предметов, достойных внимания, желающих вникнуть в порядок естественных законов, намекая об открытиях, из которых большая часть в его времена, когда физические науки едва только возникали, могли только в догадках быть предполагаемы» (указ. соч., стр. 183–184).

Следующее известное нам русское издание – «Новая Атлантида. Перевод, введение и примечания проф. С. Я. Лурье», М. – Пг., «Былое», 1922.

Биографическая справка

Бэкон Фрэнсис (1561–1626) – английский философ и государственный деятель. Родился 22 января 1561 года в Лондоне в семье сэра Николаса Бэкона, лорда-хранителя Большой государственной печати.

В течение двух лет Бэкон учился в Кембриджском университете, затем три года провел во Франции в свите английского посла. После смерти отца (1579 год) поступил для изучения права в школу барристеров (адвокатов) «Грейз инн».

В 1582 году Бэкон стал барристером, в 1584 году – членом парламента и вплоть до 1614 года играл видную роль в палате общин. Однако его карьера как государственного деятеля не сложилась, так как Бэкон потерял расположение королевы Елизаветы I, являясь ее противником по ряду политических вопросов.

В 1597 году были опубликованы его «Опыты, или Наставления нравственные и политические», в 1605 году – работа «О достоинстве и приумножении наук». При короле Якове I, вступившем на престол в 1603 году, началось политическое возвышение Бэкона. В 1607 года он занял должность генерального стряпчего, в 1613 году – атторней-генерала (прокурора), в 1617 году – лорда-хранителя Большой государственной печати, а в 1618 году получил пост лорд-канцлера.

В 1603 году Бэкону пожаловали звание рыцаря; он был возведен в титул барона Веруламского (1618 год) и виконта Сент-Олбанского (1621 год).

В 1620 году философ опубликовал свой главный труд «Новый органон», где намечен научный метод, названный автором индуктивным.

В 1621 году Бэкон был обвинен во взяточничестве, и, несмотря на последующее оправдание, в политику он больше не вернулся. Последние годы жизни занимался научным экспериментированием.

В марте 1626 года, проверяя влияние холода на процесс гниения, Бэкон простудился.

Умер 9 апреля 1626 года в Хайгейте близ Лондона.

Его философия оказала огромное влияние на развитие философского и научного знания. Бэкон ярко выразил дух новой науки, призвав к опыту и эксперименту.

Иной свет, или Государства и империи Луны (*Савиньен Сирано Де Бержерак*)

Светила полная Луна, небо было ясно и уже пробило девять часов вечера, когда я и четверо моих друзей возвращались из одного дома в окрестностях Парижа. Наше остроумие, очевидно, отточилось о камни мостовой, ибо в какую сторону оно ни обращалось, всюду оно заострялось, и как далека ни была Луна, она не могла от него спастись.

Наши взоры утопали в великом светиле; один принимал его за небесное слуховое окно, сквозь которое просвечивало сияние блаженных, другой, убежденный в истинности старых басен, воображал, что, быть может, это Вакх¹⁰ там сверху содержит таверну и полную Луну повесил как вывеску; третий утверждал, что это гладильная доска, на которой Диана¹¹ разглаживает воротнички Аполлона, наконец, четвертый – что это, быть может, само Солнце, что оно сошло с себя одеяние своих лучей и в халате выглядывает сквозь отверстие на то, что творится на свете в его отсутствие.

Что касается меня, воскликнул я, то желая присоединить свои восторги к вашим и не восхищаясь тем острием изнуренного воображения, которым вы погоняете время, чтобы заставить его двигаться быстрее, я думаю, что Луна – это такой же мир, как и наш, и что Земля, в свою очередь, служит ей Луной. Мои спутники ответили мне на это громким взрывом хохота. Точно так же, быть может, продолжал я, там, на Луне, смеются теперь над тем, кто утверждает, что этот земной шар есть мир. Но сколько я ни ссылался на то, что Пифагор, Эпикур, Демокрит, а в наши дни Коперник и Кеплер придерживались такого же мнения, они только громче и громче хохотали.

Однако эта мысль, смелость которой нравилась моему нраву, еще сильнее укрепилась во мне благодаря противоречию и так глубоко в меня запала, что в продолжении всего остального пути я вынашивал в себе тысячу различных определений Луны, однако никак не мог разрешиться ими. По мере того как я подкреплял в себе эту шутивную мысль почти серьезными доводами, я сам чуть было не поверил в нее.

Но послушай, читатель, какое чудо или какая случайность помогли провидению или судьбе утвердить меня на этом пути: вернувшись с прогулки, я вошел в свою комнату, чтобы там отдохнуть, и увидел на столе открытую книгу, которую я туда не клал. Я увидел, что эта книга моя, и потому спросил у своего лакея, на каком основании он принес ее из кабинета; я, в сущности, спросил его только для формы, ибо это был толстый лотарингец, душа которого не выполняла никаких иных функций чем те, которые выполняет душа устрицы в своей раковине. Он мне поклялся, что сюда ее мог доставить только я или черт, что касается меня, я хорошо знал, что я не прикасался к этой книге уже более года.

Я снова взглянул на нее: это была книга Кардано¹², и хотя я не намеревался ее читать, однако мои глаза как-то невольно упали на то самое место, где у этого философа мы находим такой рассказ: он пишет, что, занимаясь однажды вечером при свете сальной свечи, он увидел входивших сквозь закрытые двери двух высоких стариков; после многих расспросов с его стороны старики ему сказали, что они обитатели Луны, и в ту же минуту исчезли.

Я был так удивлен как тем, что увидел книгу, которая сама себя принесла, так и тем, на какой странице она оказалась открытой и в какую минуту все это произошло, что все это

---

¹⁰ Вакх — в римской мифологии – бог виноградарства и веселья.

¹¹ Диана (в Греции Артемида)... Аполлон – античные боги Луны и Солнца, сестра и брат.

¹² Кардано Джироламо (1501–1576) – итальянский математик, медик, философ и астролог, занимался предсказаниями по гороскопу.

сцепление обстоятельств я считал за внушение свыше, требовавшее от меня, чтобы я разъяснил людям, что Луна – обитаемый мир. Как, думал я, после того как я целый день проговорил об одном предмете, книга, может быть единственная в мире, где специально трактуется об этой материи, летит из моей библиотеки на стол, становится способной рассуждать, открывается на том самом месте, где описано столь чудесное происшествие, насильно притягивает к себе мой взор, внушает моей фантазии нужные соображения, а моей воле нужные намерения. Без сомнения, размышлял я дальше, мою книгу переложили те же старики, которые появились перед этим великим человеком; они же открыли ее на этой странице, чтобы избавить себя от труда держать мне те же речи, которые держали Кардану. Но, прибавил я, как же мне объяснить себе эти сомнения, иначе как поднявшись на Луну? И почему же нет, тотчас же отвечал сам себе. Ведь восходил же Прометей на небо, чтобы похитить огонь. Разве я менее отважен, чем он? И какие же у меня основания не надеяться на такую же удачу?

За этими вспышками горячего бреда последовала надежда, что мне удастся совершить это чудное путешествие.

Чтобы довести дело до конца, я удалился в довольно уединенный дом в деревне, где, предавшись моим мечтаниям и обдумав несколько возможностей их осуществить, я поднялся на небо и вот каким образом.

Я прежде всего привязал вокруг себя множество склянок, наполненных росой; солнечные лучи падали на них с такой силой, что тепло, притягивая их, подняло меня на воздух и унесло так высоко, что я оказался дальше самых высоких облаков. Но так как это притяжение заставляло меня подниматься слишком быстро и вместо того, чтобы приближаться к Луне, как я рассчитывал, я заметил, наоборот, что я от нее дальше, чем при моем отбытии, я стал постепенно разбивать склянки одну за другой, пока не почувствовал, что тяжесть моего тела перевешивает силу притяжения и что я спускаюсь на землю.

Я не ошибся, и скоро я упал на землю; судя по тому времени, когда я начал свое путешествие, должен был наступить полдень. Между тем я увидел, что Солнце стоит в своем зените и что там, где я нахожусь, полдень. Вы можете себе представить мое изумление! Оно действительно было таково, что, не зная, чему приписать такое чудо, я возымел дерзкую мысль, что я в честь моей отваги вновь пригвоздил Солнце к небесам, дабы оно могло освещать столь благородное предприятие. Мое изумление, однако, достигло еще большей степени, когда я оглянулся вокруг себя и не узнал местности, в которой находился. Мне казалось, что, поднявшись вверх по совершенно прямой линии, я должен был спуститься на то самое место, откуда я начал свое путешествие.

Все в том же странном уборе я направился к какой-то хижине, заметив поднимающийся из нее дым; я едва дошел до нее на расстояние пистолетного выстрела, как увидел себя окруженным множеством совершенно голых людей. Мне показалось, что вид мой чрезвычайно их удивил, ибо я был первый человек, одетый бутылками, которого им когда-либо приходилось видеть; они заметили, кроме того, что когда я двигаюсь, я почти не касаюсь земли, и это противоречило всему тому, чем они могли бы объяснить мой наряд: ведь они не знали, что при малейшем движении, которое я сообщал своему телу, зной полдневных солнечных лучей поднимал меня и всю росу вокруг меня и что, если бы моих склянок было достаточно, как в начале моего путешествия, я мог бы на их глазах быть вознесен на воздух. Я хотел к ним подойти и заговорить с ними, но страх, казалось, обратил их в птиц; в одно мгновение они разлетелись по соседнему лесу. Мне, однако, удалось поймать одного из них, ноги которого, по-видимому, изменили его сердцу. Я спросил его, произнося слова с большим трудом (ибо задышался), каково расстояние отсюда до Парижа, с каких пор народ ходил голым во Франции и почему они с таким ужасом бежали от меня. Человек, с которым я говорил, был старик с оливковым цветом лица, он сперва бросился на колени и, подняв руки кверху над головой, открыл рот и

закрыв глаза. Он долго что-то бормотал сквозь зубы, но я не мог разобрать ни одного членораздельного звука и принял его речь за хриплое щебетание немого.

Некоторое время спустя я заметил приближение отряда солдат, которые шли с барабанным боем; двое из них отделились и подошли ко мне для рекогносцировки. Когда они были достаточно близки, чтобы расслышать мои слова, я просил их сказать мне, где я нахожусь. «Вы во Франции, – отвечали они, – но какой черт привел вас в такой вид и почему же мы вас не знаем? Разве корабли прибыли? Собираетесь ли вы сообщить об этом господину губернатору? И почему вы разлили вашу водку в такое множество бутылок?». На все это я возразил, что в такой вид привел меня не черт, что не знают они меня потому, что им не могут быть известны все; что я не знал, что по Сене ходят корабли в Париж; что мне нечего сообщать господину де Монбазону¹³, что я нагружен не водкой. Ого, – сказали они и взяли меня под руки, – вы еще хорохоритесь? Господин губернатор-то вас узнает». Они повели меня туда, где стояла их часть, и здесь я узнал, что я действительно во Франции, но не в Европе, ибо это была Новая Франция¹⁴. Некоторое время спустя я был представлен вице-королю господину Монмани¹⁵; он спросил меня, из какой я страны, каково мое имя и мое звание; я ответил на все его вопросы и рассказал о приятном и успешном исходе моего путешествия; поверил ли он мне или сделал только вид, что поверил, я не знаю; как бы то ни было, он был так любезен, что приказал отвести мне комнату в своем собственном доме. Для меня было большим счастьем встретить человека, способного к возвышенным мыслям, который притом не выразил никакого удивления, когда я ему сказал, что Земля, очевидно, вращалась, пока я поднимался, ибо, начав свое воздушное путешествие в двух милях от Парижа, я упал по линии, почти перпендикулярной в Канаде. Вечером, когда я уже собрался ложиться спать, он вошел в мою комнату и сказал: «Я бы не стал нарушать вашего покоя, если бы я не думал, что человек, обладающий такой тайной силой совершить столь длинный путь в полдня, должен также обладать способностью не уставать. Но вы не знаете, – прибавил он, – какой забавный спор у меня только что был по вашему поводу с нашими отцами иезуитами. Они настаивают на том, что вы колдун, и самое большое снисхождение, на которое вы можете рассчитывать с их стороны, это то, чтобы сойти за обманщика. Действительно, то движение, которое вы приписываете Земле, разве это не удачный парадокс? Что касается меня, скажу вам откровенно, почему я не разделяю ваших взглядов. Ведь выехав из Парижа вчера, вы могли бы прибыть сюда сегодня, хотя бы Земля и не вращалась; не должно ли было привести вас сюда Солнце, поднявшее вас при помощи ваших бутылок, так как, согласно Птолемею, Тихо Браге¹⁶ и современным философам, оно движется наискось от того пути, которое вы приписываете Земле. А затем, почему вы считаете правдоподобным представление, что Солнце неподвижно, когда мы видим, как оно движется? И почему вы предполагаете, что Земля вращается с такой быстротой, когда мы чувствуем, как она неподвижна под нашими ногами?». «Государь мой, – возражал я, – вот приблизительно те доводы, на основании которых мы догадываемся обо всем том. Во-первых, самый здравый смысл говорит за то, что Солнце помещается в центре вселенной, ибо все тела, существующие в природе, нуждаются в его животворном огне, что оно обитает в самом центре подвластного ему государства, чтобы немедленно удовлетворять всем его потребностям, и что первопричина жизни находится в центре всех тел, чтобы действие ее могло распространяться на них легко и равномерно. Точно так же мудрая природа поместила детородные органы человека в середине его тела, зернышко в сердцевине яблока, косточки в середине плода, точно так же луковица сохраняет под защитой сотни окружающих ее кожиц драгоценный росток, из которого миллионы

---

¹³ *Господин де Монбазон* – губернатор Парижа в 1649 году.

¹⁴ *Новая Франция* — часть Канады, французская колония.

¹⁵ *Монмани* – Шарль де Монмани, мальтийский рыцарь, губернатор Квебека и Новой Франции с 1636 по 1647 год.

¹⁶ *Тихо Браге* — датский астроном (1546–1601).

новых луковиц почерпнут свое существование. Ибо это яблоко само в себе маленькая вселенная, а зернышко, содержащее в себе больше тепла, чем остальные его части, и есть солнце, распространяющее вокруг себя тепло, хранителя целого яблока; росток с этой точки зрения тоже маленькое солнце этого мирка, согревающее и питающее растительную соль этого маленького тела. Исходя из этого предположения, я говорю, что Земля, нуждаясь в свете, в тепле и в действии этого великого источника огня, вращается вокруг него, чтобы получить от него силу, сохраняющую ее жизнь и необходимую ей равномерно для всех ее частей. Было бы одинаково смешно думать¹⁷, что это великое светило станет вращаться вокруг точки, до которой ему нет никакого дела, как было бы смешно предположить при виде жареного жаворонка, что вокруг него вертелась печь. Иначе, если бы Солнцу приходилось выполнять эту работу, надо было бы думать (пришлось бы сказать), что медицина нуждается в больном, что сильный должен подчиняться слабому, знатный – служить простолюдину и что не корабль плывет вдоль берегов, а берега движутся вокруг корабля. Если вам непонятно, каким образом может вращаться такая тяжелая масса, скажите мне, пожалуйста, разве менее тяжелы светила и небесный свод, который вы считаете таким плотным? Еще скорее можем мы, убежденные в том, что Земля есть шар, заключить о ее движении на основании ее формы. Но почему вы предполагаете, что небо также имеет форму шара, когда знать вы этого не можете и когда ясно, что, если оно не обладает именно этой формой, оно не может вращаться. Я нисколько не укоряю вас за ваши эксцентрики, концентрики и ваши эпициклы, но относительно них вы будете в состоянии дать мне лишь самые смутные объяснения, я же исключаю их из своей системы. Будем говорить только об естественных причинах этого движения. Ведь вам, картезианцам¹⁸, приходится прибегать к предположению о разумных существах, движущих ваши сферы и управляющих ими. Но я, не нарушая покоя верховного существа, который, без сомнения, создал природу совершенной и по мудрости своей завершил ее создание так, что, сделав ее совершенной для одной цели, он не мог ее оставить несовершенной для другой, я, повторяю, нахожу в самой Земле те силы, которые заставляют ее вращаться! Потому я говорю, что солнечные лучи и исходящее из них действие, ударяя по Земле, заставляют ее вращаться, как мы заставляем вращаться шар, ударяя его рукой; точно так же испарения, постоянно поднимающиеся из недр Земли с той ее стороны, на которую светит солнце, задержанные холодным воздухом среднего пояса и отраженные от него, падают на нее обратно и, имея возможность ударить ее только вкось, по необходимости заставляют ее вращаться вокруг самой себя. Объяснение остальных двух движений еще менее сложно. Вдумайтесь, пожалуйста...». На этих словах вице-король меня остановил: «Я предполагаю, – сказал он, – освободить вас от этого труда; я, кстати, читал об этом предмете несколько книг Гассенди¹⁹, зато вы должны выслушать, что мне ответил однажды один из наших отцов, поддерживающий вашу точку зрения: «Действительно, говорил он, я представляю себе, что Земля может вращаться, однако не по тем причинам, которые приводит Коперник, а потому что огонь ада заключен в центре Земли, как нас учит об этом священное писание, и души осужденных на вечные мучения, спасаясь от страшного пламени, карабкаются вверх, удаляясь от него в направлении против земного свода, и таким образом заставляют Землю вращаться, подобно тому как собака, когда бежит, заставляет вращаться колесо, на нее надетое».

Мы стали расхваливать рвение почетного священника, а, окончив свой панегирик, господин де Монманы сказал, что его очень удивляет, почему же система Птолемея, столь мало правдоподобная, была так распространена. «Большинство людей, – отвечал я, – которые судят только на основании своих чувств, поверили свидетельству своих глаз и, подобно тому, как тот, кто, сидя на корабле, плывущем вдоль берега, думает, что он сам неподвижен, а движется

---

¹⁷ Сирано остроумно доказал далее нелепость геоцентризма, согласно которому Солнце обращалось вокруг Земли.

¹⁸ *Картезианцы* – последователи философа Декарта (1596–1650).

¹⁹ *Гассенди* Пьер (1592–1655) – французский философ-материалист, математик, астроном, чьи лекции посещал Сирано.

берег, точно так же и люди, вращаясь вместе с Землей вокруг неба, думали, что само небо вращается вокруг них. Присовокупите к этому еще всю невыносимую гордость человека, который убежден, что природа создана лишь для него, как будто есть сколько-нибудь вероятия в том, что Солнце, огромное тело, в четыреста тридцать четыре раза больше Земли²⁰, было зажжено для того, чтобы созрел его кизил и кочанилась капуста. Что касается до меня, то я далек от того, чтобы сочувствовать дерзким мыслям, и думаю, что планеты – это миры, окружающие Солнце, а неподвижные звезды – точно такие же солнца, как наше, что они также окружены своими планетами, т. е. маленькими мирами, которых мы отсюда не видим ввиду их малой величины и потому что их отраженный свет до нас не доходит. Ибо как же по совести представить себе, что все эти огромные шаровидные тела – пустыни и что только наша планета, потому что мы по ней ползаем, была сотворена для дюжины высокомерных плутов. Неужели же, если мы по Солнцу исчисляем дни и года, это значит, что Солнце было сотворено для того, чтобы мы в темноте не стукались лбами об стену. Нет, нет! Если этот видимый бог и светит человеку, то только случайно, как факел короля случайно светит проходящему по улице вору».

«Но, – возразил он, – если, как вы утверждаете, неподвижные звезды – это те же солнца, и сколько на небе неподвижных звезд, столько и солнц, из этого можно вывести заключение, что мир бесконечен, ибо с достаточной вероятностью можно предположить, что обитатели миров, окружающих неподвижную звезду, которую вы принимаете за солнце, откроют над собой другие неподвижные звезды, недоступные отсюда нашему взору, – и так до бесконечности».

«В этом нет никакого сомнения, – отвечал я, – подобно тому, как бог создал бессмертную душу, он мог создать и бесконечный мир, если правда, что вечность не что иное, как беспредельное время, а бесконечность – безграничное пространство. Кроме того, если предположить, что мир не бесконечен, нужно предположить, что и бог конечен, ибо он не может быть там, где ничего нет, и не может увеличить обширность мира, не прибавив и к собственной пространственности, начиная быть там, где его до сих пор не было. Поэтому нужно думать, что подобно тому, как мы отсюда видим Юпитер и Сатурн, точно так же, как находясь на той или другой планете, мы открыли бы множество миров, которых отсюда не видим, и что именно так и построена вселенная до бесконечности»

«По чести, – возразил он, – что бы вы ни говорили, я совершенно не способен понять, что такое бесконечность». «А скажите мне, – отвечал я, – понимаете ли вы, что представляет из себя ничто, находящееся за пределами этого мира? Вовсе не понимаете, ибо когда вы думаете об этом, то это ничто все-таки представляете себе по меньшей мере в виде ветра или воздуха, а это уже есть нечто. Но если вы не можете обнять бесконечность в целом, вы можете представить ее себе по частям, ибо не трудно вообразить себе землю, огонь, воду, воздух, звезды, небеса; бесконечность же – это не что иное, как беспредельная ткань всего этого. Если вы меня спросите, каким образом были сотворены все эти миры, ибо священное писание говорит только об одном мире, созданном богом, я вам отвечу, что оно говорит только о нашем мире, потому что это единственный из миров, который бог взял на себя труд сотворить собственной рукой, все же остальные миры, развешенные по лазури вселенной, как те, которые мы видим, так и те, которых не видим, – это только пена, выбрасываемая светилами, которые себя очищают. Действительно, как бы могли существовать эти огромные источники огня, если бы они каким-то образом не были связаны с той материей, которая их питает. И точно так же, как огонь гонит далеко от себя золу, которая бы его заглушила; как золото, расплавленное в горниле, отделяется, очищаясь от колчедана, уменьшающего его вес; как сердце освобождается при помощи рвоты от несваримых материй, давящих его, – так и Солнце каждый день выбрасывает из себя остатки материи, питающей его пламя, и очищается от нее. Но когда вся эта материя, которая его поддерживает, сгорит до конца, не сомневайтесь, что оно разольется во все стороны, будет

---

²⁰ По данным современной науки – в 1283 раза больше.

искать новой пищи и бросится на все миры, им же некогда созданные, особенно на те, которые к нему всего ближе, и тогда этот великий огонь смешает и расплавит все эти тела, а затем разгонит их во все стороны, как и раньше; постепенно очистившись, он, таким образом, опять будет служить солнцем этим маленьким мирам, которые он породил, вытаскивая их вон из своей сферы. Вероятно, это и вызвало предсказание пифагорейцев о всемирном пожаре, что вовсе не есть забавная выдумка, и Новая Франция, в которой мы находимся, доставляет нам весьма убедительное тому доказательство. Ведь Америка, этот обширный материк, представляет из себя половину всей суши, однако он долго не был открыт нашими путешественниками, хотя они тысячу раз переплывали через океан, и неудивительно, ибо его еще не существовало, точно так же, как не существовало многих островов, полуостровов и гор, которые появились на нашем земном шаре, когда Солнце, очищая себя от ржавчины²¹, отбросило ее далеко от себя; сгустившись в тяжелые, плотные клубки, она была притянута к центру нашего мира, может быть, постепенно мелкими частями, а может быть, сразу целой массой. Эта мысль вовсе не так безрассудна, и святой Августин²², наверное, одобрил бы ее, если бы открытие Америки произошло при нем, ибо этот великий человек, ум которого был просвещен святым духом, утверждает, что в его время Земля была плоская, как кухонная плита, и что она плавала над водой, как апельсин, разрезанный пополам. Но если я когда-либо буду иметь честь видеть вас во Франции и доставлю вам возможность наблюдать небо через превосходную трубу, вы увидите, что некоторые темные места, которые отсюда кажутся пятнами, – это целые миры, еще строящиеся».

Мои глаза совершенно смыкались, когда я кончал эту речь, и это заставило господина де Монмани со мной проститься. Как на другой день, так и в следующие мы продолжали вести разговоры на ту же тему, но вскоре затруднения, осложнившие управление провинцией, отразились и на наших философских беседах, и я все более и более стал задумываться над тем, как бы мне подняться на Луну. Как только она всходила, я отправлялся в лес и там принимался мечтать о своем предприятии и о том, как бы довести его до благополучного конца; наконец вечером, накануне Иванова дня, в то самое время, когда в форте шел совет и решался вопрос о том, следует ли оказать помощь дикарям против ирокезов²³, я ушел один на склон небольшой горы, поднимавшейся за нашим домом, и вот как я осуществил свое намерение. Уже раньше я соорудил машину, которая, как я рассчитывал, могла поднять меня на какую угодно высоту; думая, что в ней уже есть все необходимое, я в нее уселся и сверху скалы пустился на воздух. Однако я, очевидно, не принял всех нужных мер предосторожности, так как я тяжело свалился в долину. Хотя я и был очень помят от падения, однако я не потерял мужества, вернулся в свою комнату, достал мозг из бычачьих костей, натер им все тело, ибо я был разбит от головы до ног. Подкрепив свое сердце бутылкой целебной настойки, я отправился на поиски своей машины, но не нашел ее, так как кучка солдат, которых послали в лес нарезать сучьев для праздничных костров, случайно набрела на нее и принесла ее в форт. Долго рассуждали они о том, что бы это могло быть, наконец напали на изобретенную мною пружину; тогда стали говорить, что нужно привязать к машине как можно больше летучих ракет: благодаря быстроте своего полета они унесут ее очень высоко; одновременно с этим под действием пружины начнут махать большие крылья машины, и не найдется ни одного человека, кто бы не принял ее за огненного дракона.

Долго я не мог найти ее, наконец разыскал посередине площади Квебека, в ту минуту, когда собирались ее зажечь. Увидя, что дело моих рук в опасности, я пришел в такое отчаяние, что побежал и схватил за руку солдата в ту минуту, когда он подносил к ней зажженный фитиль;

---

²¹ Далее высказана гипотеза об образовании планет Солнечной системы, позже возникшая у Лапласа (1749–1827).

²² *Августин* – Аврелий Августин (354–430), видный деятель ранней христианской церкви, писатель.

²³ *Ирокезы* — группа индейских племен.

я вырвал фитиль из его рук и бросился к своей машине, чтобы уничтожить горючий состав, который ее окружал; но было уже поздно, и едва я вступил на нее ногами, как вдруг я почувствовал, что поднимаюсь на облака. Ужас, овладевший мной, однако, не настолько отразился на моих душевных способностях, чтобы я забыл все то, что случилось со мной в эту минуту. Знайте же, что ракеты были расположены в шесть рядов по шести ракет в каждом ряду и укреплены крючками, сдерживающими каждую полдюжину, и пламя, поглотив один ряд ракет, перебрасывалось на следующий ряд и затем еще на следующий, так что воспламеняющаяся селитра удаляла опасность в то самое время, как усиливала огонь. Материал, наконец, был весь поглощен пламенем, горючий состав иссяк, и, когда я стал уже думать только о том, как сложить голову на вершине какой-нибудь горы, я почувствовал, что хотя сам я совсем не двигаюсь, однако я продолжаю подниматься, а что машина моя со мной расстается, падает на землю.

Это невероятное происшествие исполнило мое сердце такой необычайной радостью, и я был так счастлив, что избежал верной гибели, что я имел наглость начать по этому поводу философствовать. Итак, в то время как я искал глазами и обдумывал головой, что же могло быть причиной всего этого, я увидел свое опухшее тело, еще жирное от того бычачьего мозга, которым я натер себя, чтобы залечить раны, полученные при падении; я понял тогда, что Луна на ущербе (а в этой четверти она имеет обыкновение высасывать мозг из костей животных), что она пьет тот мозг, которым я натерся, и с тем большей силой, чем больше я к ней приближаюсь, причем положение облаков, отделяющих меня от нее, нисколько не ослабляло этой силы.

Когда по расчету, сделанному мною много времени спустя, я пролетел три четверти расстояния, отделяющего Землю от Луны, я почувствовал, что падаю ногами вверх, хотя я ни разу не кувыркнулся; я бы даже не заметил такого своего положения, если бы почувствовал на голове своей тяжесть своего тела. Правда, я скоро сообразил, что не падаю на нашу Землю, ибо, хотя и находился между двумя лунами, я ясно понимал, что удаляюсь от одной по мере приближения к другой; я был уверен, что самая большая из этих лун – земной шар, ибо после дня или двух такого путешествия она стала представляться мне лишь большой золотой бляхой, как и другая луна, вследствие того, что отдаленное отражение солнечных лучей совершенно сгладило все различие поясов Земли и контуров тел. Ввиду этого я предположил, что спускаюсь к Луне, и утвердился в этом предположении, когда вспомнил, что начал падать собственно только после того, как пролетел три четверти пути. Ведь эта масса, говорил я сам себе, меньше, чем масса нашей Земли, поэтому сфера ее воздействия тоже должна охватывать меньшее пространство, вследствие чего я позднее почувствовал на себе силу ее притяжения.

Я, очевидно, очень долго падал, о чем могу только догадываться, так как быстрота падения мешала мне что-либо замечать, и самое первое, что я могу вспомнить, это то, что я очутился под деревом, запутавшись в трех или четырех толстых ветках, которые треснули под ударом моего падения, и что лицо мое было мокро от расплющенного на нем яблока.

К счастью, это место было, как вы вскоре узнаете, земным раем, а дерево, на которое я упал, оказалось древом жизни²⁴. Итак, вы понимаете, что, не будь этого счастливого случая, я бы был тысячу раз убит. Часто впоследствии я думал о распространенном в народе представлении, будто, бросаясь с очень высокого места, человек умирает от удушения прежде, чем коснется земли; из случившегося со мной происшествия я заключил, что это ложь или же что живительный сок плода, который потек мне в рот, вернул в тело мою душу, так как она еще не была далеко от него и оно не успело еще остыть и отвыкнуть от своих жизненных функций. Действительно, как только я очутился на земле, всякая боль у меня прошла даже раньше того, чем она исчезла из моей памяти, а о голоде, от которого я раньше сильно страдал, я вспомнил только потому, что перестал ощущать его. Когда я поднялся, я едва успел рассмотреть самую

---

²⁴ По библейской мифологии, рай находился в Месопотамии, там росло древо жизни, плоды которого давали здоровье и бессмертие.

широкую из четырех больших рек, которые, сливаясь, образовывали озеро, как мое обоняние исполнилось самым сладостным ароматом от разлитого по этой местности благоухания незримой души трав. Я узнал также, что подорожный камень здесь неровен и тверд лишь на вид и становится мягким под шагами.

Прежде всего я увидел перекресток, где скрещивалось пять великолепных аллей, обсаженных деревьями, которые по своей необычайной высоте, казалось, поднимались до самого неба в виде высокоствольного леса. Оглядывая их от корня до самых верхушек и еще раз спускаясь взором от верхушек до подножия, я усомнился в том, несет ли их земля или сами они несут землю, прицепившуюся к их корням; их гордые вершины, казалось, тоже гнулись под тяжестью небесных сводов, бремя которых они несли лишь с тяжелыми стонами. Их ветви, распростертые к небесам, казалось, обнимали их, моля светила небесные осенить их благосклонным и очищающим своим воздействием, и о том, чтобы воспринять его еще чистым и не утратившим своей девственности от смешения с земными элементами. Здесь со всех сторон цветы, единственный садовник которых – природа, издают сладостный, хотя и дикий аромат, который возбуждает и радует обоняние. Тут алый цветок шиповника, лазоревая фиалка, растущая под терновником, не оставляют свободы для выбора, и одна вам кажется прекраснее другой; здесь весна не сменяется другими временами года, здесь не вырастает ядовитое растение, а если оно и появляется, то сейчас же погибает; здесь ручьи веселым журчанием рассказывают камням о своих путешествиях; здесь тысячи пернатых певцов наполняют лес звуком своих мелодичных песен; сборище этих трепещущих божественных музыкантов так велико, что кажется, будто каждый лист этого леса превратился в соловья. Эхо так восхищается их мелодиями, что, слушая, как оно их повторяет, кажется, будто оно само хочет их выучить. Рядом с этим лесом видны две поляны, их сплошная веселая зелень кажется изумрудом, которому нет конца. Весна, рассыпая разнообразные краски по сотням мелких цветочков, смешивает их с восхитительной небрежностью и оттенки их перебрасывает с одного цветка на другой; и не знаешь, друг от друга ли бегут эти цветы, волнуемые летним зephyром, или же они убегают от него, чтобы спастись от шаловливых его ласк. Этот луг можно было бы даже принять за океан, ибо он безбрежен, как море, и мой взор, испуганный тем, что забежал так далеко и не увидел края, поспешил послать туда мою мысль; мысль же моя, сомневаясь в том, что это конец мира, хотела убедить себя, что красота этих мест, быть может, заставила небо соединиться с землей. Среди этого великолепного и обширного цветочного ковра серебряной струей пробивается ключ; трава, окаймляющая его, пестрит кувшинками, лютиками, фиалками и сотней других мелких цветов; они теснятся к воде, будто каждый из них спешит полюбоваться на свое отражение. Но ручей еще в колыбели; он только что родился, и на его юном и гладком лице нет ни одной морщинки. Большие изгибы, которые он делает, по тысячу раз возвращаясь к месту своего рождения, показывают, что он очень неохотно покидает свою родину, и, как бы устыдившись того, что его ласкают в присутствии матери, он журча отталкивает мою руку, которая хочет к нему прикоснуться. Животные, подходившие к ручью, чтобы утолить свою жажду, более разумные, чем животные нашей Земли, выражали свое удивление тому, что с неба льется свет, между тем как они видят солнце в ручье; они не решаются склониться к краю воды из опасения упасть на небо.

Я должен вам признаться, что при виде стольких красот я ощутил то приятное и болезненное чувство, которое, говорят, испытывает эмбрион в ту минуту, когда вливается в него душа. Старые волосы упали с меня и уступили место другим, более густым и более мягким. Я почувствовал, как загорелась во мне молодая кровь, мое лицо покрылось румянцем, моя естественная теплота незаметно и гармонически проникла все мое существо, одним словом, я оказался помолодевшим на четырнадцать лет.

Я прошел приблизительно с полмили в лесу жасминов и мирт, когда заметил, что в тени что-то зашевелилось. Это был юноша, величественная красота которого заставила меня с бла-

гоговением пасть перед ним на колени. Он встал, чтобы помешать этому. «Не мне, – сказал он, – а богу ты должен поклоняться». «Вы видите человека, – сказал я, – потрясенного этими чудесами настолько, что он не знает, чем он должен прежде всего восхищаться, ибо, прибыв сюда из мира, который вы здесь, без сомнения, считаете Луной, я предполагал, что попал в тот мир, который мои соотечественники с своей стороны точно так же называют Луной; а между тем я очутился в раю, у ног божества, которое не хочет, чтобы ему поклонялись». «Вы совершенно правы, за исключением того звания бога, которое вы мне приписываете, – отвечал он, – между тем я только его тварь, но эта земля действительно есть Луна, которую вы видите с земного шара, а место, где вы сейчас находитесь, это земной рай, куда никто никогда не проникал за исключением шести человек: Адама, Евы, Эноха²⁵, меня – я старый Илия²⁶, – евангелиста Иоанна²⁷ и вас. Вам хорошо известно, как двое первых были отсюда изгнаны, но вы не знаете, как они попали в ваш мир. Так знайте же, что, после того как они оба вкусили запретного плода, Адам, боясь, что бог, гневаясь на его присутствие, усилит его наказание, стал думать о том, что Луна, т. е. ваша Земля, – единственное убежище, где он может укрыться от преследований своего творца. В то время воображение человека, еще не развращенное ни распутством, ни грубой пищей, ни болезнями, было так сильно, что страстного, возгоревшегося в Адаме желания скрыться в этом убежище было достаточно для того, чтобы он был туда вознесен, тем более что тело его, охваченное пламенем энтузиазма, сделалось совершенно легким; ведь мы имеем примеры того, как некоторые философы, воображение которых было напряженно направлено на одну мысль, были восхищены на небо в том состоянии, которое вы называете экстазом. Ева, которая по немощи, свойственной ее полу, была слабой и менее пламенной, вероятно, не имела бы достаточно силы воображения, чтобы напряжением воли побороть тяжесть материи. Но так как прошло очень мало времени с тех пор, как она вышла из ребра своего мужа, симпатия, которая еще связывала эту часть с ее целым, увлекала и ее за ним, по мере того как он поднимался, точно так же, как за янтарем тянется соломинка, как магнитная стрелка поворачивается к северу, откуда она была оторвана. Так и Адам притянул к себе эту часть самого себя подобно тому, как море притягивает к себе реки, которые из него же вышли. Прибыв на вашу землю, они поселились в местности между Месопотамией и Аравией. Евреи знали его под именем Адама, язычники – под именем Прометея. О Прометее поэты создали басню, будто он похитил огонь с неба, они при этом имели в виду его потомков, которых он наделил душой столь же совершенной, какой была его собственная душа, данная ему богом. Итак, ради того чтобы обитать в вашей земле, первый человек оставил эту землю безлюдной. Но премудрый не захотел, чтобы такая прекрасная местность оставалась необитаемой: несколько веков спустя он допустил, чтобы Энох, наскучив обществом людей, которые стали развращаться, захотел их покинуть. Однако одно только убежище, казалось этому святому человеку, могло спасти его от честолюбия его родичей, перерезывавших друг другу горло ради того, чтобы разделить между собою вашу землю – это убежище и была та благодатная страна, о которой ему так много рассказывал его предок, Адам. Однако как туда подняться? Лестница Иакова²⁸ в то время еще не была изобретена. Но благодать всевышнего осенила его, и он обратил внимание на то, как небесный огонь нисходит на жертвоприношения праведных и тех, кто угоден господу, согласно словам из его уст: благоухание жертвы праведника дошло до меня. Однажды, когда это божественное пламя с ожесточением пожирало жертву, приноси-

---

²⁵ Энох, или Енох – по библейской мифологии – патриарх, отличался чистотой и святостью, за что живым был взят в рай и обрел бессмертие.

²⁶ Илия – библейский пророк, согласно легенде, на огненной колеснице живым взят в рай.

²⁷ Иоанн Богослов – один из 12 апостолов, возможный автор одного из евангелий, легенда о взятии его живым в рай, вероятно, апокриф.

²⁸ Лестница Иакова — по библейской мифологии, праотец Иаков видел во сне лестницу, поднимающуюся на небо, к престолу бога.

мую предвечному, он наполнил поднимавшимся от огня дымом два больших сосуда, которые герметически закупорил, замазал и привязал себе под мышки. Тогда пар, устремляясь кверху, но не имея возможности проникнуть сквозь металл, стал поднимать сосуды вверх и вместе с ними поднял этого святого человека. Когда он таким образом долетел до Луны и окинул взором этот чудный сад, наплыв радости, почти сверхъестественный, подсказал ему, что это то самое место, где когда-то жил его праотец. Он быстро отвязал сосуды, привязанные к его плечам наподобие крыльев, и сделал это так удачно, что как только он приблизился к Луне на расстояние четырех саженей, он расстался со своими поплавками. Расстояние это, однако, было еще настолько велико, что при падении он мог бы сильно пострадать, но его спасла его широкая одежда, в которую врывался ветер, раздувая ее, а также сила его пламенной любви. Что касается его сосудов, то они поднимались все выше и выше, пока бог не вправил их в небо. И теперь они все еще там и составляют то, что называется созвездием Весов; каждый день мы ощущаем наполняющее их до сих пор благоухание от жертвы, принесенной праведником, и испытываем то благоприятное воздействие, которое они оказали на гороскоп Людовика Справедливого²⁹, родившегося под знаком их.

Энох, однако, не сразу попал в этот сад, а только некоторое время спустя. Это было во время потопа, когда ваша Земля исчезла под водами и сами воды поднялись на такую страшную высоту, что ковчег плыл в небесах на одном уровне с Луной. Обитатели ковчега увидели ее через окно, но не узнали ее и подумали, что это маленький участок земли, почему-то не затопленный водой; это случилось потому, что солнечный свет, отраженный от этого огромного, непрозрачного тела, казался им очень слабым ввиду близости ковчега к Луне и ввиду того, что сам ковчег попал в сферу этого отраженного света. Только одна из дочерей Ноя, по имени Ахав, с криком и визгом настаивала на том, что это несомненно Луна. Она, вероятно, заметила, как ковчег приближался к этому светилу по мере того, как поднимался на водах. Сколько ей ни доказывали, что, когда бросили якорь, в воде оказалось лишь пятнадцать локтей глубины, она все стояла на своем и отвечала, что якорь, очевидно, попал на хребет кита, которого и приняли за Землю, она же с своей стороны совершенно убеждена, что они пристают именно к самой Луне. Наконец, так как всякий соглашается с мнением себе подобных, все остальные женщины убедили друг друга в том же. И вот они, не обращая внимания на запрещение мужчин, спустили в море лодку. Ахав, как самая смелая из них, захотела первая испытать опасность. Она весело бросилась в лодку, и к ней присоединились бы все остальные женщины, если бы поднявшаяся волна не отделила лодки от ковчега. Сколько ни кричали ей вслед, сколько ни обзывали ее лунатиком, сколько ни уверяли, что по ее вине всех женщин обвинят в том, что у них в голове четверть месяца, она только смеялась в ответ на все это. И вот она поплыла вон из мира. Звери последовали ее примеру, и большинство птиц, с нетерпением переносивших первое заключение, ограничившее их свободу, и почувствовавших в своих крыльях достаточно силы, чтобы отважиться на это путешествие, вылетели вон и долетели до суши. Даже некоторые четвероногие животные, из самых храбрых, бросились вплавь. Их вышло около тысячи, прежде чем сыновьям Ноя удалось закрыть двери хлебов и стойл, которые открыли настежь вырывавшиеся оттуда звери. Большинство из них доплыло до этого Нового Света. Что касается лодки, то она пристала к живописному холму; здесь вышла из нее прекрасная Ахав; узнав, что эта земля была действительно Луной, она очень обрадовалась и не захотела возвратиться к своим братьям. Она поселилась в пещере, где и прожила некоторое время. Однажды, гуляя и раздумывая о том, жаль ли ей, что она потеряла общество своих, или же напротив рада этому, она вдруг увидела человека, сбивавшего желуды. Восторг, вызванный этой встречей, заставил ее броситься к нему в объятия. Он также радостно стал ее обнимать, ибо прошло еще гораздо

---

²⁹ Людовик Справедливый — французский король Людовик XIII (1601–1643).

больше времени с тех пор, как он не видел человеческого лица. Это был Энох праведный. Они стали жить вместе, нажили потомство, и, если бы не безбожный нрав его детей и не гордость его жены, которые заставили его удалиться в лес, они могли бы вместе закончить свои дни в том сладостном спокойствии и счастии, которые бог посылает супружеству праведников. Там каждый день в самых диких и уединенных местах этих страшных пустынь почтенный старец, очистившись духом, приносил в жертву богу свое сердце. Но вот однажды с древа познания, которое, как вы знаете, находится в этом саду, упало яблоко и попало прямо в реку, на берегу которой оно растет. Унесенное волнами за пределы рая, оно доплыло до того места, где бедный Энох ловил рыбу, которой поддерживал свою жизнь. Чудный плод попал в сети, он его съел; тотчас же он познал, где находится земной рай, и благодаря тайнам, которых вы не можете понять, не вкусив подобно ему плода от древа знания, он нашел рай и в нем поселился.

Теперь я должен рассказать вам, каким образом я сюда попал; вы, я думаю, не забыли, что меня зовут Илия, как я вам уже говорил. Знайте же, что я находился в вашем мире и обитал на берегах Иордана с Елисеем, таким же евреем, как и я сам. Там, среди книг, я вел жизнь достаточно приятную, чтобы о ней не жалеть, хотя она быстро протекала. Однако с увеличением моих знаний все больше возрастало во мне сознание того, как мало я действительно знаю. Никогда наши священники не напоминали мне о знаменитом Адаме, без того чтобы воспоминание о том совершенном знании, которым он обладал, не вызывало во мне вздохов. Я уже совершенно отчаивался в возможности получить это знание, когда однажды, после того как я совершил жертвоприношение в искупление немощей своего бренного существа, я заснул и ангел господень явился мне во сне; проснувшись, я тотчас же принялся за выполнение того, что он мне предписал. Я взял магнит, размером приблизительно в два квадратных фута, и положил его в горнило; когда он совершенно очистился от всякой примеси, осел и растворился, я извлек из него притягивающее вещество, раскалил всю эту массу и превратил в шар среднего размера.

В дальнейшем ходе приготовлений я соорудил очень легкую железную колесницу, и несколько месяцев спустя, когда все было готово, я сел в эту искусно придуманную повозку. Вы, может быть, спросите меня, для чего нужен был весь этот сложный снаряд. Так знайте же, что мне поведал ангел во время моего сна; он сказал, что, если я хочу приобрести то совершенное знание, к которому стремился, я должен подняться в мир Луны, где в раю Адама я найду древо знания, и что как только я вкушу его плода, тотчас же моя душа просветится всеми теми истинами, которые способно вместить человеческое существо. Так вот для какого путешествия я соорудил свою колесницу. Наконец я вошел в нее, и, когда я прочно уселся и утвердился на сиденье, я бросил очень высоко в воздух свой магнитный шар. Тотчас же поднялась и железная машина, которую я нарочно в середине построил более тяжелой, чем по краям; она поднималась в полном равновесии, так как подталкивалась именно этой своей более тяжелой средней частью. Таким образом, по мере того как я долетел до того места, куда меня притягивал магнит, я тотчас же подхватывал магнитный шар и рукой гнал его вверх впереди себя».

«Но как же, – прервал я его, – удавалось вам бросать ваш шар настолько прямо над вашей колесницей, что никогда она не уклонялась в сторону?» – «Я не вижу в этом ничего удивительного, ведь магнитный шар, подброшенный на воздух, притягивал к себе железо по прямой линии, вследствие чего колесница не могла уклониться в сторону. Скажу вам более: даже в то время, когда я держал свой шар в руке, я все-таки продолжал подниматься, так как колесница не переставала тянуться к магниту, который я держал над ней. Но толчки железных частей по направлению к моему шару были так сильны, что заставляли мое тело гнуться в три погибели, так что я уже не решился еще раз повторить этот опыт. Я должен сказать, что зрелище было необыкновенное: сталь этого летучего дома, которую я отшлифовал самым тщательным образом, отражала со всех сторон солнечный свет так ярко и резко, что мне самому казалось, что я возношусь в огненной колеснице. Наконец, после того как я долго подбрасывал свой шар и

продолжал лететь за ним, я, так же как и вы, долетел до такого места, с которого я начал падать на эту землю; но так как в эту минуту я крепко сжимал в руках свой шар, то моя колесница, сиденье которой, притянутое магнитом, давило меня, никак не могла от меня отделиться. Мне грозила опасность сломать себе шею; чтобы избавиться от нее, я стал от времени до времени подбрасывать свой шар, с тем чтобы замедлить движение машины и таким образом ослабить удар при падении. Наконец, когда я увидел себя на расстоянии двух или трех саженей от земли, я стал бросать шар во все стороны то туда, то сюда, но так, чтобы он все время оставался на одном уровне с остовом колесницы, и продолжал это делать до тех пор, пока перед моими глазами не открылся земной рай. Тогда я сейчас же толкнул шар в этом направлении, моя машина полетела за шаром, а я начал падать и падать до тех пор, пока подо мной не оказался песок; тогда я подбросил шар приблизительно на расстояние фута над своей головой; это значительно смягчило удар, так что при моем падении он был не сильнее того, как если бы я, стоя на земле, упал во весь рост. Не стану вам описывать удивление, охватившее меня при виде всех окружающих меня чудес, ибо оно было таково, как и то, которое только что, как я видел, поразило и вас. Узнайте одно: на другой же день я нашел древо жизни, плоды которого сохраняют меня юным; змей был вскоре поглощен и должен был выйти вон в виде пара».

На этих словах я перебил его и спросил: «Почтенный и святой патриарх, я очень желал бы знать, что вы разумеете под этим змеем, который был поглощен?». С улыбкой он отвечал мне так: «Я забыл, о мой сын, открыть вам одну тайну, которая не могла быть вам известна. Так знайте же, что после того, как Ева и ее муж вкусили от запретного плода, бог, чтобы наказать змея, искусившего их, загнал его в тело человека. С тех пор не родилось ни одного человеческого существа, которое в возмездие за грех, совершенный его предками, не питало бы в своем чреве змея, рожденного от этого первого змея. Вы называете это кишками и считаете их необходимыми для отправления жизненных функций. Но знайте же, что это не что иное, как змей, сложенный несколько раз двойными петлями. Когда вы слышите различные звуки в ваших кишках, знайте, что это шипение змея, по обжорливости своего нрава некогда побудившего первого человека объесться; точно так же он и теперь требует для себя пищи. Ибо бог, который хотел наказать вас тем, что сделал вас смертными, как и остальных животных, сделал вас в то же время одержимыми этими ненасытными животными, так что если вы будете кормить его слишком обильно, вы задохнетесь; если будете отказывать ему в пище, когда он, голодный, своими невидимыми зубами кусает вас за желудок, он станет кричать, бушевать, извергать из себя тот яд, который ваши доктора называют желчью, и так воспалит вас ядом, который прольет в ваши жилы, что вы скоро истлеете. Наконец, чтобы вы могли убедиться в том, что ваши кишки – это действительно змей, который живет в вашем теле, вспомните, что змея находили в гробницах Эскулапа³⁰, Сципиона³¹, Александра³², Карла Мартелла³³ и Эдуарда³⁴, короля Англии, и что эти змеи питались телом своих хозяев».

«Действительно, – прервал я его, – я заметил, что этот змей всегда старается вырваться из тела человека, и потому видно, как его голова и тело вылезают из тела в нижней части живота. Но бог не захотел допустить, чтобы змей мучил одного только мужчину, он допустил, чтобы он ожесточился и на женщину и чтобы он бросал в нее свой яд, так что опухоль держится целых девять месяцев после укуса. И чтобы показать вам, что мои слова согласны со словом Божиим, я вам напомним, как бог говорил змею, проклиная его, что сколько бы он ни заставлял женщину спотыкаться, идя против нее, она все же в конце концов заставит его склонить голову...». Я

---

³⁰ *Эскулап* — в римской мифологии — бог врачевания, изображался со змеей, символом медицины.

³¹ *Сципион* — один из рода древнеримских полководцев.

³² *Александр* — Александр Македонский (356–323 года до н. э.), царь Македонии.

³³ *Карл Мартелл* — в 715–741 годах правитель франкских королевств в Западной Германии и Северной Франции.

³⁴ *Эдуард Английский* — возможно, король Англии Эдуард II (1307–1327), которого ненавидели дворяне и духовенство.

хотел продолжать эту чепуху, но Илия остановил меня: «Подумайте о том, – сказал он, – что это место священо». Он немного помолчал, как бы для того, чтобы вспомнить, на чем он остановился, и затем продолжал:

«Я вкушаю плода от древа жизни только раз в сто лет. Его сок по вкусу несколько напоминает винный спирт. Я думаю, что это яблоко, которое ел Адам, было причиной долгой жизни наших праотцев, ибо в их семя проникла часть его силы, которая затем исчезла в водах потопа. Древо знания растет против него. Его плод покрыт кожей, которая вызывает неведение во всяком, вкушившем ее; под толщей этой кожицы сохраняются, однако, все духовные свойства этого ученого кушанья. Некогда бог, изгнав Адама из этой блаженной местности и боясь, чтобы он не нашел опять дорогу, ведущую сюда, натер ему десны этой кожей. С тех пор и в течение более пятнадцати лет он заговаривался и до такой степени все забыл, что ни он, ни его потомки до самого Моисея даже и не вспомнили о сотворении мира. Но остатки свойств, присущих этой толстой коже, окончательно рассеялись благодаря пыли и ясности ума великого пророка. Мне, к счастью, попалось одно из тех яблок, которые совершенно поспели и потеряли свою кожицу, и едва моя слюна смочила его, как тотчас же всемирное знание ударило меня прямо в нос; мне показалось, что бесконечное количество мелких глазков открылось в моей голове, и я познал, как говорить с богом. Когда впоследствии я стал обдумывать чудесное свое вознесение, я хорошо понял, что не мог бы обойти бдительности серафима, поставленного богом у врат рая, чтобы охранять его, если бы я пользовался одними скрытыми силами материи; мне это удалось, потому что бог любит иногда действовать косвенными путями. Я думаю, что он внушил мне этот способ проникнуть в рай; точно так же, как он захотел воспользоваться ребрами Адама, чтобы создать жену ему, хотя он мог точно так же сотворить ее из земли, как и его.

Долго я гулял по этому саду, не имея никакого общества. Но наконец, так как ангел при вратах сада был мой главный хозяин, мне пришло желание приветствовать его. После часа пути я дошел до цели своего путешествия, ибо по истечении этого времени я пришел к такому месту, где тысяча молний, сливаясь в одну, давали такой ослепительный свет, что при нем можно было даже видеть тьму. Я еще не совсем оправился от этого происшествия, когда передо мной предстал прекрасный юноша. «Я, – сказал он, – тот архангел, которого ты ищешь. Я только что прочел мысль бога, что он внушил тебе средства попасть сюда и что он хочет, чтобы ты здесь ожидал дальнейшую его волю». Мы с ним беседовали о многих предметах, и между прочим он сказал мне, что тот свет, который, по-видимому, испугал меня, вовсе не страшен; что он загорается почти каждый день во время вечернего обхода ангела и вследствие того, что, во избежание неожиданных выходов со стороны колдунов, которые всюду проникают, ему приходится фехтовать своим огненным мечом, и этот свет и есть молния, вызванная игрой его стали. «Те молнии, которые вы видите из вашего света, вызываю я. Если иногда они кажутся вам очень отдаленными, это потому, что далекие облака, в которых они отражаются, отбрасывают к вам эти легкие огненные образы, точно так же, как облака, иначе расположенные, могут создать радугу. Я не буду просвещать вас дальше, тем более что древо знания отсюда недалеко и когда вы съедите один из его плодов, вы будете так же учены, как и я. Но главное, бойтесь ошибаться: большинство плодов, висящих на этом дереве, окружены такой коркой, что если вы ее попробуете, вы сойдете в состояние ниже уровня человека, тогда как, вкушив мякоть плода, вы подниметесь до высоты ангела».

На этом месте поучений серафима Илия остановился, и в это время к нам подошел небольшого роста человек. «Это Энох, о котором я вам говорил», – тихо сказал мой проводник. Едва он успел произнести эти слова, как Энох предложил нам корзину, полную незнакомых мне плодов, похожих на гранаты, которые он впервые нашел в этот самый день в отдаленной рощице. Я положил несколько таких плодов в карман по приказанию Илии, и тут Энох спросил его, кто я такой.

«Рассказ об этом приключении требует длинной беседы, – отвечал мой проводник. – Сегодня вечером, когда мы удалимся на покой, он сам расскажет нам о чудесах и подробностях своего путешествия».

Когда он произносил эти слова, мы подходили к чему-то похожему на шалаш, построенный из пальмовых ветвей, очень искусно переплетенных с ветками мирт и апельсиновых деревьев. Тут я увидел в маленьком чуланчике кучи пряжи, такой белой и тонкой, что ее можно было принять за самую душу снега. Я видел также разбросанные по разным местам прялки, я спросил своего проводника, для чего они нужны. «Для того чтобы прясть, – отвечал он. – Когда почтенный Энох хочет дать себе отдых от созерцания, он то расчесывает эту кудель, то крутит из нее нитку, то ткет полотно, которое идет на рубашки одиннадцати тысячам дев³⁵. Вы, несомненно, видели в вашем мире, как осенью, приблизительно во время посева, по воздуху летают какие-то белые нити. Крестьяне называют это «нитками богородицы». Это те очески, от которых Энох очищает лен, когда он его расчесывает».

Мы ненадолго остановились, чтобы проститься с Энохом, так как эта хижина была его кельей; нам пришлось его покинуть так скоро, потому что через каждые шесть часов он совершает свои молитвы, и шесть часов уже прошло со времени совершения последней. По дороге я стал упрашивать Илию окончить историю вознесений на Луну, которую он начал, и сказал ему, что он остановился, как мне помнилось, на святом евангелисте Иоанне.

«Если, – сказал он, – у вас не хватает терпения подождать, пока плод от древа знания откроет вам все это лучше, чем я могу это сделать, я расскажу вам об этом. Так знайте же, что бог...».

При этих словах не знаю каким образом впутался сюда дьявол. Как бы то ни было, но я не мог воздержаться от насмешек и прервал его: «Я вспоминаю, – сказал я ему, – богу как-то стало известно, что душа этого евангелиста настолько отрешилась от всего земного, что он удерживал ее в своем теле только тем, что крепко сжимал рот. Предвечная мудрость чрезвычайно была удивлена таким неожиданным случаем. «Увы, – воскликнула она, – он не должен вкушать смерти. Он предназначен к тому, чтобы во плоти быть вознесенным в земной рай! И, однако, час, когда, по моему предвидению, он должен был вознестись, почти уже прошел. Боже правый! Что скажут обо мне люди, когда узнают, что я ошибалась!». Итак, в нерешительности предвечный был принужден, чтобы исправить свою ошибку, сразу его туда доставить, не имея времени заставить его потихоньку туда перебраться».

Во время всей этой речи Илия смотрел на меня глазами, которые, казалось, были способны меня убить, если бы я мог умереть от чего-либо другого, кроме голода. «Отвратительное существо, – воскликнул он, отодвигаясь от меня, – ты имеешь наглость глумиться над священными вещами! Получил бы ты наказание поделом, если бы премудрый не захотел оставить тебя назидательным примером своего милосердия перед людьми. Вон, безбожник, вон отсюда! Пойди и объяви как в нашем маленьком мире, так и в другом – ибо ты предназначен к тому, чтобы туда вернуться, – какую непримиримую ненависть бог испытывает ко всем атеистам».

Он едва произнес это проклятие, как схватил меня и силой потащил к воротам. Когда мы подошли к большому дереву, ветви которого, отягощенные плодами, склонялись чуть не до самой земли, он сказал: «Вот древо знания, от которого ты бы мог почерпнуть непостижимые познания, если бы не был неверующим».

Только успел он это произнести, как я, делая вид, что мне дурно, с намерением упал на одну ветку, с которой ловко сорвал одно яблоко, один плод. Мне нужно было сделать еще только несколько шагов, и я был бы за пределами этого восхитительного парка. Однако мною до такой степени владел голод, что я забыл, что нахожусь во власти разгневанного пророка. Поэтому я вынул одно из яблок, которыми набил свой карман, и впился в него зубами, но,

---

³⁵ Ироничное упоминание о мученицах, почитаемых церковью, еще один пример вольномыслия Сирано.

вместо того чтобы взять одно из тех, которые мне подарил Энох, моя рука упала на плод, который я сорвал с древа знания и который я, к несчастью, не очистил от кожи. Я только что успел отведать от него, как густой мрак окутал мою душу, я уже не видел перед собой ни яблока, ни Илии и никак бы не мог отыскать следов той дороги, которая меня сюда привела.

Обдумывая впоследствии все это чудесное происшествие, я рассудил, что, вероятно, корка от плода, который я вкусил, потому не лишила меня окончательно разума, что мои зубы, прокусывая ее, в то же время слегка коснулись и мякоти, живительный сок которой ослабил зловерное действие кожицы.

Я был чрезвычайно удивлен, увидя, что я совсем один и в совершенно неизвестной мне стране. Сколько я ни озирался кругом, сколько ни оглядывал окружающую меня местность, я не видел ни одного живого существа, которое радовало бы взор. Наконец я решил идти вперед, до тех пор пока судьба не пошлет мне навстречу какое-нибудь живое существо или же смерть.

Судьба действительно исполнила мое желание, и, пройдя четверть мили, я увидел перед собой двух больших и сильных зверей. Один из них остановился передо мной, другой с необыкновенной легкостью убежал по направлению к своему жилищу, по крайней мере я так предположил, ибо некоторое время спустя он вернулся в сопровождении более чем семи или восьми сотен подобных же зверей, которые и окружили меня. Когда я мог их разглядеть поближе, я увидел, что они похожи на нас как лицом, так и сложением и ростом. Это приключение напомнило мне слышанные мною в былые времена рассказы моей кормилицы о сиренах, фавнах и сатирах. От времени до времени эти звери издавали такое бешеное гиканье, вызванное, вероятно, моим видом, который приводил их в восхищение, что я сам чуть было не поверил, что превратился в чудовище. Наконец одно из этих существ, полулюдей, полужверей, ухватило меня за шиворот, так, как волк хватается овцу, перекинуло меня себе за спину и понесло меня в их город, где я был еще более удивлен, ибо увидел, что эти звери действительно люди, но что ни один из них не ходит иначе, как на четырех ногах.

Когда я проходил мимо толпы этих людей и они увидели, как я мал ростом (большинство из них имеют в длину более двенадцати локтей), а также и то, что мое тело поддерживается двумя только ногами, они не хотели верить, что я человек, ибо считали, что если природа одарила человека, как и зверя, двумя руками и двумя ногами, он должен пользоваться ими так же, как делают это они. И действительно, раздумывая впоследствии по этому поводу, я пришел к заключению, что такое положение вовсе не так нелепо: я вспомнил, что ведь дети ходят на четвереньках, пока единственной наставницей их является природа, и что они становятся на две ноги только по наущению своих нянек, которые сажают их в колясочки и привязывают ремнями, чтобы помешать им вновь упасть на четвереньки – единственное, собственно, положение, при котором человеческое тело естественно отдыхает.

Оказывается, они говорили (мне это разъяснили уже впоследствии), что я несомненно самка маленького животного королевы. В качестве ли этого животного, или чего-либо другого, меня повели прямо в городскую ратушу, где я понял из общего говора и из жестов как народа, так и членов магистрата, что они совещаются о том, чем бы я мог быть. После того как они долго обсуждали этот вопрос, некий гражданин, на котором лежала обязанность охранять редких зверей, стал упрашивать городских старшин сдать меня ему на хранение, пока королева не пришлет за мной, чтобы соединить меня с моим самцом. Этому не встретилось препятствий, и фокусник принес меня к себе в дом, где научил меня изображать шута, кувыркаться, строить гримасы; в послеобеденное время он брал деньги за вход и показывал меня желающим.

Наконец небо, разгневавшись на то, что оскверняется храм его владыки, сжалилось надо мной, и однажды, когда шарлатан, привязав меня к веревке, заставлял меня через нее прыгать для развлечения праздной толпы, я вдруг услышал голос человека, который по-гречески спросил меня, кто я такой. Я крайне удивился, услышав, что в этой стране говорят так же, как у нас. Он стал расспрашивать меня, я ему отвечал и затем в общих чертах рассказал ему начало

и счастливый исход своего путешествия. Он принялся меня утешать, и я помню, как он мне сказал: «Что делать, сын мой, вы расплачиваетесь за слабости людей вашего мира. Как там, так и здесь есть пошлая толпа, которая не терпит ничего такого, что для нее необычно. Знайте, что вам отплачивают той же монетой и что, если бы кто-нибудь из этой земли попал в вашу Землю и посмел назвать себя человеком, ваши ученые задушили бы его как чудовище». Он затем обещал мне осведомить двор о моем несчастье, он прибавил, что, как только он увидел меня, его сердце тотчас же подсказало ему, что я человек, ибо некогда он сам путешествовал по тому миру, откуда я явился; что моя Земля – это Луна, что я галл, что он жил в Греции, где его называли Демоном Сократа³⁶; что после смерти этого философа он жил в Фивах, где обучал Эпаминонда³⁷ и воспитывал его; что потом, когда он перешел в Рим, чувство справедливости заставило его примкнуть к партии младшего Катона; что после его смерти он отдался Бруту³⁸, но когда после смерти всех этих великих людей на свете осталось только воспоминание об их добродетелях, он вместе со своими товарищами удалился из мира и жил то в храмах, то в уединенных и пустынных местах. Наконец, добавил он, народ, населяющий вашу землю, так поглупел и так огрубел, что у меня и моих товарищей совершенно пропала охота обучать его чему бы то ни было. Вы не могли о нас не слышать, ибо нас называли оракулами, нимфами, гениями, феями, пенатами, лемурами, ларвами, вампирами, домовыми, наядами, инкубами, тенями, призраками и привидениями. Мы покинули ваш мир в царствование Августа, немного спустя после того, как я явился Друзу³⁹, сыну Ливии, который вел войну в Германии, и запретил ему двигаться дальше. Не так давно я во второй раз вернулся оттуда; лет сто тому назад мне было поручено туда съездить; я долго бродил по Европе и разговаривал с людьми, которых вы, может быть, знавали. Однажды, между прочим, в то время, как он занимался, я научил его множеству вещей; он обещал мне в награду засвидетельствовать перед потомством о том, что я посвятил его во все эти тайны, о которых он намеревался написать. Я видел там Агриппу⁴⁰, аббата Тритемия⁴¹, доктора Фауста, Ла Бросса⁴², Цезаря⁴³ и знал кружок молодых людей, которых непосвященная толпа знала под именем рыцарей ордена Розенкрейцеров⁴⁴; я научил их множеству хитростей и открыл им многие тайны природы, благодаря чему их, конечно, сочли бы за великих магов. Я знал также и Кампанеллу; не кто иной, как я, посоветовал ему во время его заключения в тюрьме инквизиции приучить свое тело и свое лицо к положению и выражению, которое принимали те, чьи тайные помыслы он хотел узнать, с тем чтобы таким образом вызывать в себе те же мысли, которые это положение вызвало в них, и, познав их душу, успешнее с ними бороться. По моей просьбе он начал писать книгу, которой мы дали заглавие «De sensu rerum». Я точно так же посещал во Франции Ламот Ле Вайе⁴⁵ и Гассенди. Этот последний пишет, как истинный философ, точно так же, как первый живет как таковой. Я знал также множество других людей, которых ваш век считает проникнутыми божественной мудростью, но я ничего в них не усмотрел, кроме болтовни и большой гордости. Наконец, переез-

---

³⁶ *Демон Сократа* — в греческой мифологии «демон» – божество, дух-хранитель, способствующий или препятствующий человеку в исполнении его намерений. Сократ признавал воздействие своего демона, которого Сирано якобы встретил на Луне.

³⁷ *Эпаминонд* — греческий полководец и политик IV века до н. э.

³⁸ *Катон... Брут* – республиканцы, боролись с диктатурой Цезаря.

³⁹ *Друз* Нерон Клавдий – сын Ливии, второй жены императора Августа, умер, возвращаясь из похода в Германию.

⁴⁰ *Агриппа* Неттесгеймский (1486–1538) – немецкий гуманист, врач, философ. Занимаясь алхимией, прослыл чародеем.

⁴¹ *Аббат Тритемий* — Иоганн Гейденберг (1462–1516), ученый-гуманист, изобрел криптографическое письмо, прославившее его как колдуна.

⁴² *Ла Бросс Пьер* — любимец короля Франции Филиппа III, казнен за чародейство в 1285 году.

⁴³ *Цезарь* — Цезарь Нострадамус (1505–1566), известный французский астролог, или Цезарий Гейстербахский (ок. 1180–1240), автор «Бесед о чудесах».

⁴⁴ *Орден Розенкрейцеров* – тайное общество мистиков и алхимиков XVII века, возникло в Гааге в 1622 году.

⁴⁵ *Ламот Ле Вайе* Франсуа (1588–1672) – французский писатель.

жая из вашей страны в Англию, чтобы изучить там нравы ее обитателей, я встретил человека, который служит позором своей родной страны. Действительно, разве это не позор, когда знать вашего государства, признавая всю добродетель, воплощением которой он является, в то же время не воздает ему должного, не преклоняется перед ним. Чтобы сократить свой панегирик, скажу, что он весь сердце, весь ум; сказать, что он обладает в полной мере этими двумя качествами, из которых одного было бы достаточно, чтобы сделаться героем, это значит назвать Тристана Лермит⁴⁶. Я бы не стал называть его, так как уверен, что он не простит мне этого; не рассчитывая больше вернуться в ваш мир, я хочу перед своей совестью засвидетельствовать истину. Правда, я должен сказать, что как только я увидел столь высокую добродетель, я тотчас же подумал, что она не будет признана, поэтому я старался убедить его принять от меня три склянки: первая была полна тальковым маслом, вторая порохом, третья жидким золотом, т. е. той растительной солью, которая, по мнению ваших химиков, дает вечную жизнь. Но он отказался от этого с более благородным презрением, чем Диоген⁴⁷ отказался от предложения Александра, который посетил его в его бочке. Мне нечего добавить к похвалам этому великому человеку, как разве только то, что он единственный ваш поэт, единственный философ и что, кроме него, у вас нет ни одного истинно свободно мыслящего человека. Вот те значительные люди, которых я знал; все остальные, по крайней мере те, которых я встречал, стоят настолько ниже настоящего человека, что я видал животных, которые выше их. Впрочем, я не происхожу ни из вашей земли, ни из этой; я родился на солнце. Но наш мир иногда бывает перенаселен вследствие продолжительности жизни его обитателей, а также и потому, что в нем почти не бывает ни войн, ни болезней; ввиду этого наши власти от времени до времени посылают колонии в окружающие миры. Что касается меня, то я был командирован в ваш мир и был объявлен начальником того племени, которое было послано со мной. После того я перешел в этот мир по тем причинам, о которых я вам уже говорил; я продолжаю здесь жить, потому что люди здесь любят истину, что нет здесь педантов; что философы здесь руководятся только разумом и что ни авторитет ученого, ни авторитет большинства не преобладает здесь над мнением какого-нибудь молотильщика зерна, если этот молотильщик рассуждает умно. Одним словом, в этой стране безумцами почитаются лишь софисты и ораторы». Я спросил его, какова продолжительность их жизни, он мне отвечал: три или четыре тысячи лет – и продолжал так: «Если я хочу сделать себя видимым, как, например, теперь, но в то же время чувствую, что то тело, которое я заполняю, почти износилось или что органы его уже не выполняют своих функций достаточно хорошо, я вдуваю свое дыхание в молодое тело, только что умершее.

Хотя обитатели Солнца не так многочисленны, как обитатели этого мира, однако Солнце часто выбрасывает их вон из себя по той причине, что народ, его населяющий, одаренный горячим темпераментом, беспокоен и честолюбив и много ест.

Все то, что я вам говорю, не должно казаться вам странным, ибо, хотя наш солнечный шар очень велик, а ваш земной шар мал, хотя мы умираем только после трех или четырех тысяч лет жизни, а вы после полувека, знайте, что точно так же, как во вселенной больше песка, чем камней, больше камней, чем растений, больше растений, чем животных, больше животных, чем людей, точно так же на свете не может быть меньше демонов, чем людей, вследствие тех осложнений и затруднений, с которыми сопряжено зарождение столь совершенных существ».

На мой вопрос, такие ли у них тела, как и у нас, он мне отвечал, что да, у них тоже есть тела, но не такие, как наши, и непохожие на все то, что мы считаем телами; ибо мы обычно называем телом то, что мы можем осязать; что, впрочем, в природе нет ничего, что бы не было материей, и что хотя они сами состоят из материи, они принуждены, когда хотят сделаться

---

⁴⁶ *Тристан Лермит* Франсуа (1601–1655) – французский драматург, приятель Сирано.

⁴⁷ *Диоген* (414–323 года до н. э.) – греческий философ-циник; по легенде Александр Македонский предложил ему исполнить любое желание, но Диоген лишь попросил его отойти и не загроживать солнце.

для нас видимыми, принять телесный образ, соответствующий тому, что мы можем познать своими чувствами.

Я сказал ему, что все рассказы о существах, подобных ему, многие, вероятно, потому считают плодом воображения слабоумных, что они появляются только по ночам; он отвечал, что так как они сами бывают принуждены наспех соорудить себе тело, которое должно им служить, они часто не успевают создать ничего больше, как то, что может действовать на один какой-нибудь орган чувств: или на слух, как голос оракула, или на зрение, как привидения и призраки, или на осязание, как инкубы, и так как их тела не что иное, как сгущение того или другого рода, то свет своей теплотой разрушает их, подобно тому как он рассеивает туман.

Его интересные объяснения возбудили мое любопытство и побудили меня расспросить его о рождении и смерти жителей солнца; мне хотелось знать, происходит ли на солнце рождение человека через органы зарождения и умирают ли они вследствие разнужданности своего темперамента или вследствие разрушения своих органов. «Между вашим сознанием и пониманием этих тайн слишком мало общего, чтобы вы могли понять их. Вы, жители Земли, представляете себе, что то, что вы не понимаете, имеет духовную сущность или же что оно вовсе не существует; но этот вывод совершенно ложен; он доказывает только то, что во вселенной существуют миллионы вещей, для понимания которых с вашей стороны потребовались бы миллионы совершенно различных органов. Я, например, при помощи своих чувств познаю причину притяжения магнитной стрелки к полюсу, причину морского прилива и отлива, понимаю, что происходит с животным после его смерти; вы же можете подняться до наших высоких представлений только путем веры, потому что вам не хватает перспективы; вы не можете охватить этих чудес, точно так же, как слепорожденный не может представить себе, что такое красота пейзажа, что такое краски в картине или оттенки в цветке ириса; он будет воображать их себе или как нечто осязательное, как пища, или же как звук или запах. Во всяком случае, если бы я захотел объяснить вам то, что я познаю теми чувствами, которых у вас нет, вы бы представили это себе как нечто, что можно слышать, видеть, осязать или же познать вкусом или обонянием, между тем это нечто совершенно иное».

Когда он дошел до этого места своей речи, фокусник заметил, что публике начинает надоедать мой разговор, которого она не понимала и который принимала за нечленораздельное хрюканье. Он стал вновь изо всей мочи дергать мою веревку, чтобы заставить меня прыгать, и продолжал это до тех пор, пока наконец зрители не разошлись каждый восвояси, досыта нахотавшись и уверяя, что я почти так же умен, как у них животные.

Жестокость дурного обращения моего хозяина умерялась для меня посещениями этого любезного демона, ибо не могло быть и речи о том, чтобы я мог вести какой-нибудь разговор с теми, кто приходил на меня посмотреть; помимо того, что они принимали меня за животное из категорий самых низких скотов, но ведь ни я не знал их языка, ни они не понимали моего; судите же, каково было между нами общение. Вы должны знать, что во всей стране принято два наречия: одно служит для знати, другое – в употреблении у народа.

Язык знатных не что иное, как различное сочетание нечленораздельных звуков, слегка напоминающих нашу музыку, когда к мелодии не присоединяется слов, и, конечно, это изобретение в то же время и приятное, и полезное, ибо когда эти люди устали говорить или же когда они не хотят более тратить горло для этой цели, они берут лютню или какой-нибудь другой инструмент, которым они владеют так же хорошо, как и голосом, для передачи своих мыслей, так что иногда их соберется целое общество в пятнадцать или двадцать человек и какой-нибудь богословский вопрос или сложный процесс обсуждается ими при помощи самого прекрасного концерта, который может ласкать ухо.

Другой язык, тот, который в употреблении у народа, осуществляется посредством движения членов, но не так, как можно было бы думать, ибо движение некоторых частей тела уже прямо обозначает целую речь. Например, движение пальца руки, уха, губы, глаза, щеки

составляет каждое в отдельности молитву или же целый период со всеми его членами. Другие движения служат только для того, чтобы обозначать отдельные слова, таковы, например, такие движения, как сморщивание лба, подергивание мускулов, поворот ладони кверху, хлопанье ногами, выворачивание рук – все эти движения выражают отдельные слова, потому что при существующем у них обычае ходить голыми и привычке жестами передавать свои мысли, когда они говорят, члены их находятся в таком непрерывном движении, что кажется, будто имеешь перед собой не человека, который говорит, а тело, которое дрожит.

Демон посещал меня почти ежедневно, и его удивительные беседы делали то, что я мог без особенной скуки переносить тяготу своего жестокого заключения. Наконец однажды утром в мою каморку вошел неизвестный мне человек; он стал меня сначала лизать, потом мягко схватил меня пастью под мышкой и одной из лап, которой меня поддерживал, чтобы я не ушибся, он перекинул меня себе на спину, где я почувствовал себя так мягко и так удобно, что, несмотря на скорбь, причиненную мне сознанием, что со мной обращаются, как со скотом, у меня не явилось желания бежать, да это было бы и бесполезно, так как эти люди, которые ходят на четырех ногах, движутся с совершенно иной быстротой, чем мы, и самые тяжеловесные из них могут догнать оленя на бегу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.